БРАТ, ЗА КОТОРОГО Я ВЫШЛА ЗАМУЖ

РОМИЛЛИ КЕЙ

Ромилли Кэй

Брат, за которого я вышла замуж

«Автор»
2026

Кэй Р.

Брат, за которого я вышла замуж / Р. Кэй — «Автор», 2026

На третью ночь после свадьбы мой муж поставил за столом тарелку для своего брата.Я уже собиралась спросить, кого он ждёт, когда в дверь постучали. Один длинный удар и два коротких. Так стучал Джейми, когда у него были заняты руки.Семь лет назад Джейми вышел в море и не вернулся. Мы собирались пожениться. Я годами перебирала слова, которые сказала бы ему, если бы знала, что вижу его в последний раз. Теперь он стоит на пороге с пакетом моего любимого кофе, а у меня на пальце кольцо, которое три дня назад надел его брат.Ноа знал, что Джейми жив. Он мог сказать мне об этом до свадьбы. И самое страшное, что, пока я жду его объяснений, мне всё ещё хочется, чтобы он взял меня за руку.

© Кэй Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 — Три ночи 6
Глава 2 — Моё собственное имя 12
Глава 3 — Коробка у радиатора 17
Глава 4 — Чашка без молока 22
Глава 5 — Снимки с улицы 26
Глава 6 — Пустой спуск к воде 30
Глава 7 — Шесть страниц 34
Глава 8 — Пропущенная страница 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Ромилли Кэй
Брат, за которого я вышла замуж

Брат, за которого я вышла замуж
Ромилли Кей

Глава 1 — Три ночи

На третью ночь после свадьбы мой муж поставил за столом тарелку для своего брата.

Ноа достал тарелку из буфета и поставил ее на стол напротив меня. Он открыл ящик со столовыми приборами, секунду постоял, глядя в него, и снова закрыл.

Двумя вечерами раньше мы доедали свадебный торт, стоя у раковины. Он отрезал мне кусок с обоими коржами: на свадьбе я сказала, что совсем не почувствовала вкуса. Я смотрела, как плачет моя мама, как его мама старается не заплакать, как он идёт ко мне через маленький зал загса. Дома он спросил, чувствую ли я теперь вкус. Чувствовала. В глазури было слишком много лимона. Никогда ещё мне так не нравился торт.

— Кто придёт? — спросила я.

Он посмотрел на тарелку так, словно это я ее туда положила.

— Лив. Сядь, пожалуйста.

На мне была одна туфля. Вторая осталась у задней двери и отсырела: утром я выходила в сад за лентами, которые наши племянницы привязали к забору. Я сняла туфлю. На подъёме ноги остался след от ремешка, который на свадьбе слишком туго стягивал ногу. Когда мы вернулись домой, Ноа потёр след большим пальцем. Я сказала, что оно того стоило. Он спросил, про туфли ли я.

— Что-нибудь случилось с твоей мамой?

— Нет.

— Тогда ты можешь рассказать мне, пока я стою.

В дверь постучали. Один длинный стук и два коротких, низко, по дереву. Джейми всегда так стучал, когда возвращался с занятыми руками: нагибался и стучал локтем. Я дожидалась двух коротких ударов. Если открыть раньше, он говорил, что я его высматривала.

За семь лет я дважды слышала такой стук от курьеров. Оба раза ещё по пути к двери я знала, что это посылка. Теперь я дошла до прихожей и только тогда поняла, что Ноа так и не сдвинулся с места.

— Пока не открывай, — сказал он.

Я обернулась. — Почему?

Он положил руку на спинку стула. В воскресенье утром он его чинил: племянница вставала на него, чтобы разглядеть торт. Я уговорила его бросить всё на полпути и вернуться в постель. Он так и пришёл с отвёрткой в руке. Я забрала её и положила на пол рядом с его ботинками.

— Потому что мне нужно, чтобы ты услышал это от меня.

Я оглянулась на стол. Ноа поставил тарелку на прежнее место Джейми, у короткой ножки стола. Когда Джейми приходил к нам, он всегда подкладывал под неё подставку под пиво. Ноа помнил, куда его посадить.

Я подняла щеколду.

Джейми подстригся. Раньше он жаловался, что волосы загибаются под ушами, стоит им отрасти. Теперь они были такими короткими, что на левом ухе виднелся старый надрез. Лицо осунулось. Воротник серого пальто был поднят, под мышкой он держал коричневый бумажный пакет.

— Привет, Лив, — сказал он.

На секунду я разозлилась, что он заговорил первым.

Семь лет я придумывала, что сказала бы, если бы знала, что вижу его в последний раз. В то утро, когда он вышел на лодке, я попросила его захватить молока. Он обещал, если магазин будет открыт, и я крикнула ему вслед, что по субботам магазин всегда открыт. Потом я лежала

без сна и перебирала слова, которые могла бы сказать вместо этого. Подожди. Возьми свитер. Я люблю тебя. Иногда хватило бы просто назвать его по имени.

Сейчас я не могла этого сказать.

Джейми поднял пакет. — Я принёс кофе, который ты любишь.

Я посмотрела на пакет. Тот магазин закрылся четыре года назад.

— Я просил тебя подождать в машине, — сказал Ноа у меня за спиной.

— Я так и сделал. На двадцать минут.

Джейми опустил взгляд на мою левую руку. Он не просил показать ему кольцо. — Поздравляю, — сказал он.

Я всё ещё держалась за щеколду. Отпустила её, когда стало больно.

— Твоя мать знает?

Джейми посмотрел мимо меня на Ноа. Затем он оглянулся. — Нет.

Семь лет назад, когда поиски прекратили, я отвезла его мать домой. Она спросила, можно ли оставить свет на крыльце. Сказала это так тихо, что я наклонилась к ней, и она повторила, не поднимая глаз. Почти год я видела этот свет по дороге с работы.

— Позвони ей, — сказала я.

— Я подумал, что сначала нам следует поговорить.

— Она думает, что ты мертв.

Он опустил взгляд на сумку. Я видела, как разошелся шов у него под большим пальцем.

— Лив, — сказал Ноа у меня за спиной. — Я могу позвонить ей.

Затем я повернулась и задала ему вопрос, который не хотела задавать, пока еще могла притворяться, что есть единственный ответ, с которым я смогу жить.

— Когда ты его нашёл?

Джейми издал тихий звук. Сначала я подумала, что он собирается помочь своему брату. Затем он заговорил.

— Он меня не нашел. Я позвонил ему.

Рука Ноа все еще лежала на спинке стула.

— Когда? — спросиля. — спросила я.

Он посмотрел на меня так же, как тогда, в ЗАГСе, ожидая, пока я посмотрю прямо на него, прежде чем произнести нужные слова.

— Два года назад.

Я посмотрела на свое кольцо. Два года назад он даже ни разу не держал меня за руку.

Мы стояли у раковины и говорили об глазури.

* * *

Я поехал к Маргарет в одних носках. Я поняла это, когда вышел из машины. Одна нога ступила на гравий, и на мгновение я была абсурдно рад, что у меня есть что-то, на что я могла бы указать, если бы она спросила, почему я плачу.

Ноа притормозил сразу за мной. Джейми сидел на пассажирском сиденье. Прежде чем выйти, он наклонился, чтобы что-то сделать у своих ног. Он подошел, держа в руках пакет с кофе.

— Оставь это, — сказала я.

Он посмотрел на меня так, словно забыл, что я могу его видеть.

— Она не захочет благодарить тебя за что-то, пока не поймет, кто ты такой.

Джейми положил его обратно на сиденье. Я ждала, когда он пойдет первым. Он добрался до калитки, затем остановился, держа руку над щеколдой. Там был один новый. Раньше он мог открыть его, не глядя.

На крыльце горел свет. Маргарет открыла дверь прежде, чем мы постучали, одетая в кардиган поверх платья, которое она купила для нашей свадьбы. Я помог ей выбрать его. Когда

она увидела меня, то сказала: "О, хорошо. Я собиралась спросить, не оставила ли ты мои очки в своей сумке.

Затем она увидела Джейми.

Ее первыми словами, обращенными к нему, были: "Где твое пальто?"

Было холодно, и он был в одной из них, но она потянулась за дверью за той, которую всегда приносила, когда кто-то приходил мокрый или недостаточно одетый. Это было ее собственное платье, старое, толстое и слишком маленькое для него в плечах. Она накинула его на него поверх пальто, которое у него уже было. Когда она попыталась закрыть ее, ее руки встретились с его руками. Она отпустила его и отступила назад. Он сказал: "Мама", — и она пригласила его войти.

Мы сидели в гостиной. В ее телефоне были фотографии со свадьбы, а на каминной полке — фотография Джейми. Я мог видеть эти две вещи с одного и того же стула. Маргарет спросила его, ел ли он. Он сказал "да". Она спросила, знали ли люди, которые нашли его, его имя. Он сказал, что его никто не нашел. Он сам добрался до берега.

— Тогда почему ты не вернулся домой?

Джейми посмотрел на Ноа. Маргарет видела, как он это сделал.

— Ты знал? — спросила она.

Ноа наклонился вперед, положив обе руки на колени. Я видела, как он делал это до того, как сказал ей, что береговая охрана отступает. Тогда я положила руку ему на спину. Он поблагодарил меня за это несколько дней спустя, когда я уже не помнила, как это делала.

— На два года, — сказал он.

Маргарет сняла очки. Она спросила его, имеет ли он в виду, что прошлой зимой она стояла с ним в гавани и ставила цветы в воду в день рождения Джейми, когда он знал. Ноа сказал "да". Она спросила, помогал ли он ей выбирать цветы. Он сказал, что видел.

Она никого не просила уходить. Она сходила на кухню и принесла три стакана и кувшин. Она наполнила первую и протянула ее мне. Я передала его Джейми, потому что не могла держать его в руках, и потому что в течение семи лет я бы носила ему воду откуда угодно, если бы кто-нибудь сказал мне, куда идти. Мои руки сделали это прежде, чем остальная часть меня поняла, чего я хочу.

Он отпил половину. — Я собирался позвонить тебе в тот первый вечер.

— Почему ты этого не сделал? — спросила я.

Он посмотрел на меня. Я видела, что он придумал для нее ответ. Он ничего не придумал для меня. — Потому что тогда мне пришлось бы сказать, что я возвращаюсь.

Маргарет села, держа кувшин на коленях. Я хотела забрать это у нее. Она крепче сжала ручку, когда я пошевелился.

Я посмотрела на Ноа. — Когда ты собирался мне сказать?

— Перед свадьбой.

— В какой день?

"Лив".

— Были дни. Все они проходили вместе.

Маргарет поставила кувшин на ковер и подняла руку как раз в тот момент, когда Джейми начал говорить. Он остановился. Я ждала. Ноа впервые с тех пор, как вошел, посмотрел на мои ноги. Когда он увидел серый след от гравия на одном из моих носков, он снял свои ботинки и поставил их рядом с моими ногами. Он сделал это, не задумываясь. Так я поняла, что все равно потянулась бы к нему, если бы случилось что-нибудь похуже этого.

— В четверг, — сказал он.

В четверг мы отправились за нашими кольцами. После этого я повел его посмотреть комнату над пекарней. Там было пусто, и из одного угла открывался вид на гавань, если прислониться к стене. Я хотела арендовать его для своего бизнеса по переделке. Впервые за много

лет я выбирал комнату, потому что хотел заходить в нее каждое утро. Ноа спросил, могу ли я принести наверх новую швейную машинку. Я сказала, что не по своей воле. Прежде чем мы ушли, он измерил лестничную площадку вытянутыми руками.

— Ты решила в четверг, что я не буду ничего узнавать?

— В четверг я решил, что расскажу тебе после того, как мы поженимся.

Я сбросила его ботинки со своих ног. Маргарет закрыла глаза. — Я сказал ему подождать, — сказал Джейми.

Я встала. — Я не собирался выходить за тебя замуж.

Ноа последовал за мной только до крыльца. Он спросил, позволю ли я ему отвезти меня к моей сестре. Я сказала, что поведу машину сам. Он вернулся в дом за парой тапочек Маргарет. Он положил их на ступеньку и подождал, пока я их надену. Я сделала это, потому что Маргарет хотела бы, чтобы я этого сделал. Они были зелеными, и на одном из них она написала свои инициалы на случай, если оставит их в больнице.

— Ты хочешь, чтобы я пошел домой? — спросил Ноа.

Я чуть не сказал "да". Потом я поняла, какой дом он имел в виду.

— Делай, что хочешь, ’ сказала я. — Только никому не говори, что я тебя об этом просил.

* * *

Моя сестра открыла дверь с мукой на щеках. Позади нее, на кухонном полу, моя племянница взвешивала на весах комки теста. ‘Мама говорит, три унции", — сказала она мне. — Она не говорит мне, что это такое по-нормальному.

— Около восьмидесяти пяти граммов, — сказала я.

Нина бросила один взгляд на мои ноги и отправила свою дочь наверх за джемпером. Затем она открыла заднюю дверь, чтобы выпустить запах хлеба наружу. Это был тот же самый запах, который был у нее в доме, когда обыск закончился. Тогда я пробыл здесь две недели. Я сказала, что не выношу запаха моря в своей собственной комнате. Она пекла хлеб каждое второе утро, пока я не смогла ходить за ней в магазины.

— Джейми жив, — сказала я.

Несколько секунд Нина ничего не говорила. Затем она снова закрыла заднюю дверь.

— Где он? — спросила я.

— Со своей мамой.

— Где Ноа? — спросила я.

— Не знаю. Он известен уже два года.

Она потянулась к стулу, но садиться не стала. — Вы познакомились с ним на мосту два года назад.

Я знала, какой день она имела в виду. Это был первый день, когда я посетил гавань без необходимости заходить туда. Я нашла Ноа, менявшего веревку на спасательном круге, и держала конец, пока он протягивал его. Потом он спросил, не зайду ли я выпить кофе. Я сказала, что не могу, потому что нужно было закончить шторы. Он все равно купил два и зашел в магазин. Он сел на табурет, пока я расправляла подол, и спросил, не расскажу ли я ему о ткани. Впервые за пять лет он посмотрел на меня, не дожидаясь, пока я упомяну его брата.

— Это было в октябре, — сказала я.

Нина достала свой телефон. — Выясни, когда это было.

Там были фотографии дня рождения Маргарет и тех выходных, когда я водил свою племянницу посмотреть на козу, которая не могла слезть с крыши. Я нашла фотографию из магазина с двумя чашками кофе на моем разделочном столе. Я взяла его, потому что он пил из кружки с отбитой ручкой, и я хотела запомнить, из какой именно, чтобы купить ему кружку получше.

Это было двадцать третье октября. Я позвонила Ноа. Он ответил после одного гудка.

— Когда тебе позвонил Джейми?

— Я не знаю даты.

"Найди это".

Я услышала, как что-то шевельнулось у него за спиной. — Я в машине.

"Притормози".

Он так и сделал. Он сказал, что у него все еще есть первое сообщение, что он перенес его на другой телефон. Что бы я предпочел увидеть сам или попросить его назвать мне дату? Я не хотела, чтобы он выбирал, какой из них причинит мне меньше боли. Я просил и то, и другое.

Девятнадцатое октября.

Фотография пришла, когда он еще разговаривал по телефону. Неизвестный номер и три строчки. Первый сказал, что *это Джейми*. Второй сказал: *Мне нужно, чтобы ты сказал мне, все ли в порядке с мамой*. Третий спросил, *Лив все еще там?*

Спустя пять лет первое, что он захотел узнать обо мне, было то, где я живу. Четыре дня спустя его брат принес мне кофе, и я позволила ему остаться, пока не запрусь.

— Вы пришли на мостик из-за сообщения? — спросила я.

Ноа сказал "да". Он хотел сказать мне об этом там. Он стоял на мосту и смотрел, как я приближаюсь к нему. Когда я спросила о веревке, он подумал, что может сначала привязать ее, а потом рассказать мне.

— Почему ты этого не сделал?

— Потому что ты попросил меня прийти и посмотреть ткань.

— спросила я его. Теперь я вспомнил эту часть. Потребовался почти час, чтобы понять, что я хотел ему показать. В ткани не было ничего особенного, за исключением того, что мне удалось самостоятельно подобрать рисунок по всей длине пары штор. Именно тогда он попросил принести кофе. Он не снял пальто в моем магазине, потому что думал, что должен уйти в любой момент. Я включила для него обогреватель, и он оставался там до тех пор, пока не стемнело.

Нина поднялась наверх, чтобы отправить дочь в ванну. Я услышала, как полилась вода, а потом кто-то спросил, каким полотенцем она пользовалась. Ноа сказал, что отправит мне первое же ответное сообщение, если я захочу. Я попросила его прочитать это вслух.

— С мамой все в порядке, ’ сказал он. — Лив все еще живет здесь.

Был долгий перерыв, когда я думала, что он дойдет до конца.

— И тогда я спросил: "Ты вернешься за ней?"

Я убрала телефон подальше от лица. Вошла Нина и положила руку на стол рядом с моей. Она видела, что я не могу задать следующий вопрос. Она просила об этом не для меня. Я снова поднес телефон к уху.

— И что же он сказал?

— Я вернусь, когда ты захочешь.

Моя сестра ногой пододвинула ко мне стул. На этот раз села я. Ноа все еще был там. Он молчал достаточно долго, чтобы я услышала, как рядом с его машиной остановилась другая. Я подумала, не приходилось ли ему останавливаться где-нибудь, где люди его знали.

— Ты рассказала ему о свадьбе? — спросила я.

"Да".

— Когда? — спросиля.

— На следующее утро после того, как я сделал предложение.

Я слышала, как он перевел дыхание, чтобы сказать что-то еще. Я посмотрела на кольцо, за которым он ходил со мной в четверг. До сих пор я думала, что Джейми появился, потому что кто-то прислал ему фотографию со свадьбы. Ноа пригласил его вернуться в мою жизнь на следующее утро после того, как я сказала "да", а затем позволил мне одеться для свадьбы, не сказав, что он это сделал.

— Что он сказал в тот раз?

Ноа не ответил.

— Прочти это.

Он так и сделал. ‘ Я подожду, пока она выйдет замуж. Ты ждал достаточно долго.

Нина выключила духовку. Никто из нас не помнил, как ставил в нее хлеб. Мы сидели там, пока Ноа ждал, когда я скажу ему, чем бы я хотела, чтобы он провел остаток ночи.

Я положила трубку.

Затем я положила руки плашмя на стол, посмотрел на сестру и сказал единственное, в чем был уверен.

"Они говорили обо мне так, будто я в любом случае стану одним из них".

Глава 2 — Моё собственное имя

Нина уступила мне свою половину кровати и спала со своей дочерью. Я знала это, потому что половица за дверью маленькой комнаты скрипнула в половине третьего, и после этого я услышала, как моя сестра велела кому-то пошевелить коленями. Я лежала неподвижно, пока не стало достаточно светло, чтобы разглядеть шкаф. Через щель в дверях я могла видеть сумку, в которой лежало ее свадебное платье. Мы положили его туда вместе после того, как она рассталась с Полом. Я предложила ей продать его. Она сказала, что, возможно, ей понадобится этот материал.

Мое собственное платье висело дома за дверью спальни. В воскресенье Ноа спросил, не хочу ли я, чтобы он повесил его наверх. Я сказала пока оставить его там. Мне нравилось выходить из ванной и видеть ее еще до того, как я вспоминал, чья она.

В семь я позвонила женщине, которая занимала комнату над пекарней. Ее звали Дженис, и она всегда перезванивала мне до восьми, потому что именно тогда она выносила первые подносы. Я спросила, готова ли она по-прежнему уступить мне эту комнату.

— Я думала, вы с Ноа приедете в пятницу.

— Я хочу, чтобы это было записано на мое имя.

— Это должно было быть записано на твое имя.

Я спустилась вниз, чтобы найти свою сумку. Я спросила ее, сколько мне понадобится этим утром. Она назвала мне сумму, которую я могла бы заплатить, не заходя на счет, который мы с Ноа открыли для свадьбы. Я сказала ей, что могу прийти в девять. Затем я спросила, не возражает ли она, если я принесу стул. Она сказала, что я могу принести все, что подходит для лестницы.

Нина разрезала хлеб пополам у раковины, где было достаточно света, чтобы разглядеть непрожаренную серединку. Когда она предложила приготовить мне тосты из той части, которая пропеклась, я согласилась. Пока она готовила, я позвонила на работу и сказала, что не приду. Я перешила школьную форму в магазине, пока копила на собственную машинку. Владелица позволила мне взять выходной на неделю, и я вернулась пораньше, потому что сказал, что лучше буду зарабатывать. Она сказала, что еще не включила меня в график. Она ждала меня в следующий понедельник. Я поблагодарил ее. В то утро это было первое, что было оставлено именно так, как мы договаривались.

Пока мы ели, позвонил Ноа. Я повернула телефон так, чтобы Нина могла видеть, кто это. Она продолжала есть. Я ответила.

— Я у твоей мамы, — сказал он.

— Почему?

— Она увидела, что у Маргарет горит свет, когда проходила мимо. Она позвонила мне.

Я спросила, что он ей сказал. Он сказал, что сказал ей, что Джейми вернулся домой и он знал об этом два года. Она спросила, не хочет ли он, чтобы она позвонила мне. Он сказал, что я могу сказать ей, где я, когда захочу. Я подождала, пока он скажет мне еще кое-что. Затем я сам позвонила своей матери. Она сняла трубку еще до того, как раздался первый гудок.

— Ты возвращаешься домой? — спросила она.

— Который из них?

— Я имел в виду здесь.

Я прожила с ней девять месяцев после исчезновения Джейми. Она обычно стучала в мою дверь, когда начиналась непогода, чтобы я сама не слышала, как шумит море. Я могла бы пойти туда прямо сейчас и найти сложенные простыни в изножье кровати. При мысли об этом я чуть не согласился. Вместо этого я рассказала ей о комнате над пекарней. Она сказала, что может отдать мне старое кресло, если я захочу. Я спросила, имеет ли она в виду, что я могу оставить

его себе. Она сказала, что имеет в виду, что я могу разрезать его пополам и продать на дрова, если захочу.

В девять Дженис встретила меня у мусорных баков со связкой ключей. Мы оформляли документы у прилавка перед открытием магазина. Имени Ноа на нем нигде не было. Я прочитала это дважды, потому что хотел знать, кто должен был починить окно. Дженис сказала, что это она. Она записала это и подписала, пока я смотрела.

Поднявшись наверх, я нашла рулетку на подоконнике. Ноа оставил ее там в четверг. Я видела линию карандаша на стене, где он делал замеры для разделочного стола. Я достала из сумки резинку. Леска сошла за три взмаха. Затем я снова измерила стену и обнаружила, что место, которое он отметил, было правильным. Я провела свою собственную линию на четверть дюйма ниже нее и положил рулетку в ящик стола.

* * *

Маргарет пришла в булочную с обеими туфлями в пакете. Она сказала, что одна из них начала скрипеть, и, пока ее не было, она могла бы спросить человека, который их чинил, что случилось. Я знала, что она не пойдет в "Сапожник", потому что он закрыт по вторникам. Она знала, что я знаю. Я взяла у нее сумку и отнес наверх, ничего не сказав.

Сесть было негде, кроме стула, который я позаимствовала у Дженис. Маргарет бросила пальто на пол, сложила его один раз и села на него. Она сказала, что я могу сидеть, где захочу. Я села на пол напротив нее. Окно было приоткрыто. Я слышала, как кто-то внизу передвигал подносы по стойке.

Через открытое окно доносился запах жженого сахара. Маргарет спросила, не принадлежит ли мне что-нибудь в комнате. Я показала ей стул и жестянку. Она посмотрела на стул, затем на пол, где мы сидели. ‘Ты поступил разумно, сняв комнату", — сказала она. Это был первый раз, когда она заговорила о моем будущем, не упомянув ни одного из своих сыновей.

— Он пошел прогуляться, ’ сказала она. ‘ Он сказал мне, что уезжает. Я встал в дверях и сказал ему, что он не обязан говорить мне, где находится. А потом, когда он ушел, я стояла там, жалея, что не спросила его об этом.

— Тебе удалось хоть немного поспать?

— Два часа. Я продолжал ходить в его комнату.

Я вспомнила эту комнату. Мы часто заходили туда, когда его мать ходила по магазинам. Джейми приставлял стул к двери, потому что щеколда гремела, если кто-нибудь проходил мимо. Однажды Ноа все равно постучал, чтобы сказать нам, что чайник выкипел досуха. Я услышала, как он снова упал, прежде чем успел отодвинуть стул. Я предполагала, что он выключит чайник. Я тоже не мог припомнить, чтобы благодарил его за это.

Маргарет спросила Джейми, где он был все эти годы. Он сказал, что работал на крышах. Она спросила, было ли у него достаточно теплое пальто, чтобы носить его там зимой. Он рассказал ей о мужчине, который упал с лестницы, и о том, как он ждал в больнице, пока не приедет сын этого человека.

— Он мог бы назвать мне имя сына", — сказала она. ‘ Он мог бы рассказать мне, что они дали ему выпить, пока он ждал. Я все думал, что если дам ему закончить, он доберется до того, почему так и не вернулся домой.

— А он это сделал?

— Он сказал, что должен сначала рассказать тебе.

Один из противней с выпечкой упал на пол. Мы оба посмотрели на дверь. Никто не подошел. Я уперась ладонями в подоконник и поискал глазами гавань, но с того места, где я стояла, мне была видна только крыша магазина напротив.

— Ты хочешь, чтобы я спросил его? — сказала я.

— Нет, любимая. Я хочу иметь возможность задать вопрос своему собственному сыну без того, чтобы он посылал меня к вам за разрешением.’ Она перевела дыхание. — И я хочу,

чтобы вы знали, что он пробовал это на мне, на случай, если он придет сюда и скажет вам, что это то, о чем я просил.

Я подвинулся, позволяя ей встать рядом со мной. В течение многих лет мы звонили друг другу в те дни, когда шел такой сильный дождь, что останавливались лодки. Сначала мы говорили о Джейми. Позже мы звонили по поводу рецепта или метки на юбке и прекрасно понимали, какой сегодня день. Я думала, что наша близость была чем-то, что он оставил позади. Вот Маргарет смотрит на мои голые стены и спрашивает, какое название я хотела бы видеть на вывеске магазина.

Я сказала "да". Я договорилась покрасить его перед свадьбой. Художник хотел знать, буду ли я менять его потом. Я сказала ему, что заплатил за нужные мне письма. Ноа, который пришел со мной в тот день, спросил, могу ли я заказать вторую вывеску для входа, чтобы люди знали, как подняться наверх. За это он мне и понравился. Думая об этом сейчас, я все еще сомневался.

— Если я увижу его, что ты хочешь, чтобы я сказал? — спросила Маргарет.

— Который из них?

Она выдохнула. — Мне тоже постоянно приходится задавать себе этот вопрос.

Я попросила ее передать Ноа, что хочу забрать свои вещи в четверг и что я хочу, чтобы дом был пуст, пока я это делаю. Она сказала, что может рассказать ему. Потом она спросила, не хочу ли я, чтобы она что-нибудь рассказала Джейми.

— Скажи ему, что я собираюсь ему позвонить.

— Это правда?

— Да. Но я не хочу, чтобы он знал, когда.

Она взяла сумку с туфлями и наклонила ее. Один вышел и мягко стукнул каблуком по полу. Писк был едва слышен. Она показала мне, где он начал отрываться от подошвы. Я сказала ей, что сапожник будет здесь завтра. Она спросила, могу ли я это сделать. Я достала из сумки маленькую жестянку и нашла иголку, достаточно длинную, чтобы продеть нитку. К тому времени я хотела что-нибудь исправить, и чтобы человек, который принес это мне, точно знал, что было сделано.

Когда я закончил, она спросила, сколько она мне должна. Я спросила, не может ли она узнать, в какой день прошлой осенью уехал Ноа. Я хотела услышать об этом дне от кого-то, кто в то время не знал, что это значит. Она положила отремонтированную туфлю обратно в сумку. ‘ Я могу посмотреть, ’ сказала она. — У меня есть открытка, которую он прислал.

* * *

Джейми ответил из коридора. Я слышала, как с его стороны проходили люди. Я спросила, где он, и он сказал мне, что в библиотеке. Я сказала, что мы могли бы встретиться внизу, где есть столики. Он сказал, что будет там через минуту. Он не спросил, приведу ли я Ноа.

Он выбрал место, где мы обычно сидели подростками, потому что это было достаточно далеко от стола, и никому не было дела до того, разговариваем мы или нет. С тех пор они поставили радиатор вдоль стены, а стол придвинули ближе к окну. Я села на другое место. Джейми спросил, не хочу ли я, чтобы он начал с лодки.

— Я хочу, чтобы ты начал с того, почему ты собирался уехать до того, как сел в него.

Он положил трубку. Я могла разглядеть очертания ключа в кармане его джинсов. Раньше это был ключ от его входной двери и мой вместе взятый. Первое, что я хотела знать, это был ли это ключ от дома, в котором он сейчас жил. Я позволила ему продолжать рассказывать мне.

У него все еще была привычка класть телефон громкоговорителем к себе, чтобы никто за столом не услышал, как он звонит. Раньше я думала, что он делал это, потому что знал, что в библиотеках тихо. Наблюдая за тем, как он двигает ею сейчас, я задавалась вопросом, сколько раз я приводила вескую причину для какой-нибудь мелочи, потому что мне нравился человек, делающий это.

Была женщина, с которой он встречался в другом городе. Она знала, что он помолвлен. Он сказал, что она просила его рассказать мне об этом до того, как они снова встретятся. Он кое-что написал за ночь до того, как лодка отчалила. Он положил его в конверт и принес в гавань, потому что думал отдать мне, когда вернется. Когда лодка перевернулась, он потерял свое пальто. В нем был конверт.

— Ноа знал о ней?

— Он знал, что я собирался туда. Он думал, это по работе.

— Она ждала тебя, когда ты добрался до берега?

Он покачал головой. Он сказал, что мужчина с фургоном остановился и довез его до автобусной станции. Он дал Джейми одеяло и спросил, не нужен ли ему врач. Джейми сказал, что нет. Он купил билет на наличные, которые держал в кармане, застегивающемся на молнию. Он помнил, как стоял у билетного автомата, пытаясь решить, пойти ли ему сначала домой или пойти туда, где была эта женщина. Чего он не мог вспомнить, так это когда впервые подумал о людях, которые, возможно, ищут его.

Я могла бы сказать ему. Ноа позвонил перед полуднем, когда я была в молочном отделе. Я сам пошла за ним, потому что было уже поздно. Я сунула бутылку под мышку и вышел из магазина, не заплатив. Кассирша вынесла ее вслед за мной и сказала, что запишет на мой счет. У меня не было счета. В течение нескольких недель после этого она ни разу не попросила денег.

— Ты ходил к ней? — спросила я.

"Да".

Под окном щелкнул радиатор. Я положила на него руку, потому что замерзла. К тому времени, как он заговорил снова, я оставляла ее там достаточно долго, чтобы стало больно.

— Я сказал ей, что между нами все кончено.

— Что ты передал ей, что я сказал?

— Ничего. Я сказал, что мы покончили с этим.

— Что ты передал ей от меня, Джейми?

Он наблюдал, как школьница складывает учебники на подоконник, чтобы можно было засунуть руки в карманы пальто. Одна из книг соскользнула. Она поймала ее за стекло и рассмеялась. Я видела, как шевелятся ее губы. Окно не пропускало звук.

— Я позволил ей думать, что ты знаешь, — сказал он.

На следующий день в местных новостях показали его фотографию. Женщина попросила его позвонить матери. Он пообещал, что позвонит. Во вторник она отвезла его на автобусную станцию, купила ему билет домой и оставалась там достаточно долго, чтобы увидеть, как он заходит в нужный отсек. После того, как она ушла, он прошел обратно через станцию и сел на автобус в другом направлении. Он сказал мне это, положив оба локтя на стол, как человек, описывающий, как он вернулся к работе после обхода.

— Где билет? — спросила я.

— Она прислала мне его в прошлом году.

— Почему?

— Потому что я спросил, скажет ли она маме, что, по ее мнению, я возвращаюсь домой.

Я убрала руку с радиатора. Два кончика моих пальцев порозовели. Я вспомнила, как говорил Маргарет, что он не упустил бы шанса вернуться домой, если бы кто-нибудь дал ему его. Я сказала это, пока она искала свои очки, и она перестала смотреть достаточно долго, чтобы попросить меня повторить это снова.

— Что ты хочешь, чтобы я ей сказал? — спросила я.

— Что я хочу вернуться.

— А ты это сделал?

Джейми посмотрел прямо на меня. — Я хотел, чтобы ты все еще этого хотела.

Библиотека закрывалась на обед. Мужчина прошел вдоль стены, выключая свет один за другим. Я забрала свою сумку. Джейми спросил, могу ли я остаться, пока он не найдет способ сказать остальное.

— Нет, ’ сказала я. ‘ Ты можешь позвонить ей и рассказать то, что рассказал мне. Нет никаких причин, по которым ей нужно ждать меня сейчас.

Глава 3 — Коробка у радиатора

В четверг я пришла домой в одиннадцать. Фургона Ноа там не было. Я вставила свой ключ в дверь, и она открылась точно так же, как и всегда. На мгновение я ожидала, что это застрянет. Мы были женаты меньше недели. Ничто не успело измениться.

Я начала с кухни. Я подумала, что мне понадобятся мои хорошие ножи и миска, которую подарила мне тетя. Я взяла маленькую кастрюльку, а остальное оставила. В холодильнике было шесть яиц, а на полке над ними — целый лимон. Ноа обычно ел яйца на ночь, если возвращался домой слишком поздно, чтобы захотеть чего-нибудь еще. Я положила лимон в свою сумку. У меня не было причин оставлять его и разбирать, кроме как вспомнить, что он не любил добавлять его в чай.

Наверху платье все еще висело на двери. Он накрыл его чистой простыней, чтобы я могла поднять его, не снимая сначала с вешалки. Я откинула простыню в сторону. Там, где я заменила крючок, виднелась небольшая полоска красной нити. Я использовала красную, потому что это была та нить, которая была у меня наверху. В субботу я спросила Ноа, можешь ли ты это увидеть. Он наклонился, чтобы посмотреть, и сказал, что да, если он повернет свое лицо туда, куда моя мама собиралась положить свое, когда обнимала меня. Я так сильно смеялся, что мне пришлось сесть.

Я снова села. Я не могла взять платье и унести остальную одежду. Я не могла, потому что Ноа поставил коробку с моими зимними вещами рядом со шкафом. Верх был открыт. Он оставил записку, в которой сообщал, что не положил туда мою сумку для шитья, потому что подумал, что я, возможно, захочу посмотреть, где она.

Сумка для шитья была внизу, в комнате, где он обычно хранил свои ботинки. В ней была маленькая карточка, обернутая вокруг банкноты. Это были деньги, которые я заплатила за кофе, когда он впервые пришел в магазин. Он их не взял. Я спрятала его в подкладке его пальто, и он отдал мне пальто на починку неделю спустя, чтобы я его нашла. После этого я хранила банкноту в сумке. Я думала, что однажды отведу его куда-нибудь, где мы могли бы потратить деньги на то, что он захочет.

Я отнесла сумку в прихожую. Затем я увидела, как его фургон медленно проехал мимо дома и остановился у стены. Он не вошел. Я достала телефон. Прежде чем я успела позвонить, он прислал мне сообщение.

Я оставила в своем фургоне коробку, которая принадлежит тебе. Я ставлю ее на ступеньку. Я пойду.

Я открыла дверь. Он стоял в конце дорожки с картонной коробкой в руках. Увидев меня, он остановился и стал ждать. Я спросила, что в ней. Он сказал, что это из-за новой лампы, которую он купил для комнаты над пекарней. Он собирался подогнать его в пятницу. Квитанция была внутри, если я захочу забрать ее обратно.

Картон царапнул пряжку его ремня, когда он сменил хватку. Я чуть было не сказал ему прислонить его к стене там, где тропинка расширялась. Именно так мы доставили кухонные шкафы домой: один из нас нес их, а другой искал, где бы остановиться. Я хотела снова иметь возможность дать ему обычную инструкцию. Я хотела, чтобы он подождал, пока я отдам его.

Он поставил лампу на ступеньку. Угол зацепился за кирпич, и он подставил под него ладонь, точно так же, как он зацепил край моего платья, когда мы выходили из машины в субботу. В то же мгновение я потянулся к коробке. Мы оба остановились. Он первым пошевелил рукой.

— Ты отложил какие-нибудь деньги на магазин? — спросила я.

— Нет.

— Даже когда мы ходили смотреть на это?

— Нет. Я говорил с Дженис об арендной плате, только когда ты был там.

Я кивнул, потом взял себя в руки. Обычный ответ от него все еще действовал на меня до того, как я сообразил его проверить. Я хотела отнести лампу наверх и показать ему, куда она пойдет. Я так сильно хотела этого, что мне пришлось прислониться плечом к двери, чтобы держать ее открытой.

— Если я позвоню Дженис, когда ты уйдешь, она скажет мне что-нибудь другое?

Он вздрогнул. Она была достаточно маленькой, чтобы я могла притвориться, что не заметила ее.

— Нет, ' сказал он. — Ты можешь позвонить ей.

— Я знаю, что могу. Раньше я знал, когда в этом не было необходимости.

Он стоял, опустив руки по швам. Через дорогу мужчина мыл машину с включенным радио. Кто-то спел начало песни, которую я знала, и забыла, как она звучит, прежде чем смогла вспомнить следующую строчку. Ноа остался там, где был. Коробка стояла на полпути между нами.

Я спросила, может ли он рассказать мне, что он делал прошлой осенью, не показывая мне сообщения. Он дважды ездил в глубь страны, чтобы повидаться с Джейми, и во время второго визита, когда Джейми спросил обо мне, Ноа сказал ему, что мы встречаемся. Джейми спросил, счастлива ли я. Ноа сказал, что так ему показалось. Я вспомнила, как он вернулся в тот раз с маленькой деревянной пуговицей, которую увидел в магазине. Она все еще была у меня. Я спросила, купил ли ее Джейми. Ноа покачал головой. Он засунул руки обратно в карманы, чтобы мне не пришлось наблюдать, как он решает, какую из них предложить мне.

— Ты хочешь сказать мне что-нибудь еще? — спросила я.

— Да, ' сказал он. — Но я не могу рассказать вам это отсюда.

— Я остаюсь здесь.

Он кивнул. — Тогда я расскажу это отсюда.

* * *

Прошлой осенью Ноа сказал Джейми, что я все еще ношу его кольцо. Это было кольцо, которое Джейми подарил мне, когда мы обручились. После того, как они отменили обыск, я сняла его с пальца и носил на цепочке, обычно под одеждой. Ноа увидел это в тот день, когда я подняла рулон материи и поймала цепочку, которую он отцепил для меня. Это было до того, как мы переспали.

— Зачем он хотел это знать? — спросила я.

— Он не спрашивал.

Ноа сказал мне, что сказал это, потому что хотел, чтобы Джейми понял, что я не забыла его. Он хотел, чтобы он вернулся домой к своей матери. Он также хотел, чтобы Джейми сказал, что кольцо не имеет значения. Джейми сказал, что если это имеет для меня значение, то никто из них мало что может с этим поделать. Ноа сказал, что думал об этом, когда делал предложение, и спросил, не хочу ли я что-нибудь снять, прежде чем он наденет новое кольцо. Я вспомнила, как он это сказал. Я подумала, что он имел в виду наперсток, который был на мне, потому что я встала, чтобы закончить шов.

Теперь мои пальцы замерзли. Я засунула их в рукава джемпера. Ноа увидел, как я это делаю, и двинулся, как будто собирался принести мое пальто. Затем он спросил, не хочу ли я, чтобы он это сделал. Я сказала ему, что это наверху.

Он остался там, где был. — Есть еще кое-что.

Я ждала.

— Я просила его не приходить на свадьбу.

— Он сказал, что подождет. Ты прочел мне сообщение.

— Это было после того, как я сделал предложение. После этого я дважды менял свое мнение. ’ Он провел рукой по губам. — В четверг я попросил его держаться подальше, пока мы не закончим это дело.

Он затормозил на стоянке над гаванью. Фургон ждал, чтобы отъехать, поэтому он подвинул свой, чтобы освободить место, не завершая разговор. Я представила, как Джейми слышит звук ручного тормоза, в то время как Ноа освобождает место для незнакомца и просит его оставить мою жизнь такой, какая она есть.

— Что ты ему сказал?

— Я сказал: “Позволь мне отдохнуть на выходных”.

Я посмотрела вниз, на тротуар. В воскресенье моя мама вымела конфетти из косяков. Маленький белый кружочек все еще был прилеплен к камню у него под ногами. Вероятно, еще одного дождя не хватило бы.

— Ты сказал это так, словно это было твое.

Он проследил за моим взглядом, устремленным на конфетти. Он не наклонился, чтобы поднять его.

— Чего ты теперь от меня хочешь? — спросила я.

— Я хочу, чтобы ты попросил меня вернуться домой.

Ответ прозвучал неряшливо и быстро. На мгновение это было легче услышать, чем все, что он сказал о четверге. Затем он добавил, что хочет, чтобы я могла открыть дверь, не ища его фургон. Он не знал, как хотеть и того, и другого.

— Тогда иди, ’ сказала я. — Посмотрим, что ты сможешь сделать со вторым.

Я ожидала, что он задержится в фургоне еще на минуту. Он приступил к этому сразу же. Я все еще стояла с открытой входной дверью, когда он повернул в конце дороги.

Оказавшись внутри, я сразу же поднялся наверх за своим пальто. Это было то, что я сшила из ткани, которая поступила в магазин с дефектом посередине. Я бы разрезал его на кусочки по обе стороны от него. Я была доволен, потому что там оставалось достаточно денег на карман. После этого я носила его почти каждый день, и Ноа обычно говорил людям, что я его сшила, если они спрашивали, где я его взяла.

Я сняла платье с крючка. Он оказался тяжелее, чем я помнила. В субботу я могла ходить по нему, не глядя вниз. Теперь мне пришлось просунуть под нее обе руки, чтобы один угол не касался пола. Я отнесла его в спальню и завернул в простыню. Я подумала о том, чтобы оставить его на кровати. Потом я подумала, что первое, что увидел бы Ноа, это если бы я оставила его там. Я положила его в коробку со своей зимней одеждой, накрыла сверху пальто и в два захода отнесла его вниз.

Вернувшись за сумкой для шитья, я вынула деревянную пуговицу из жестянки. В нем было четыре отверстия, одно совсем немного ближе к краю. В тот день, когда он принес его обратно, я сказала, что не буду им пользоваться, потому что другого такого у меня нет. Я оставила его на столе кривым отверстием, повернутым к двери. Он всегда был единственным, кто замечал, в какую сторону все шло.

* * *

Маргарет устроила ужин в воскресенье. Она пригласила нас с Ниной. Она сказала, что Джейми будет там, и Ноа отвезет ее по магазинам, но не сказал, останется ли он. Я сказала ей, что приду, если она не попросит меня сесть рядом с кем-нибудь. Она перезвонила через двадцать минут и спросила, что я хотела бы привезти. Я сказала — пудинг. Она сказала, что это было бы прекрасно. Ее голос стал намного тверже теперь, когда мы обсуждали то, что она могла бы поставить в духовку.

Когда я добралась туда, Джейми был во дворе и подбрасывал дрова на незажженное барбекю. Он сказал мне, что разговаривал с Маргарет об этой женщине. Он сказал, что она слушала, пока он не дошел до той части, где говорилось о билете на автобус, а затем попросила

его позволить ей подняться наверх одной. Он поставил чашку с чаем у двери. Он все еще был там, когда она спустилась. Он не сказал мне, пила ли она его.

На кухне Маргарет расставила шесть тарелок и оставила стулья там, где они обычно стояли. Ноа вошел с порога с молоком и поставил его в холодильник, прежде чем с кем-либо поздороваться. Движение, которое я заметила краем глаза. Я вспомнила, как попросила у Джейми молока в то утро, когда он уходил. Я хотела знать, сколько раз я могла наблюдать, как кто-то убирает это без того, чтобы это не прошло через меня так быстро.

Мы поели. Нина рассказала историю о женщине, которая переделала школьную юбку, сняв пояс и пришив его к низу. Моя племянница дважды поправляла ее, и хотя в первый раз Маргарет рассмеялась, во второй раз она отложила вилку. Джейми рассказал нам, где он сейчас живет. Он сказал, что у него была маленькая квартирка со сломанным лифтом и трое мужчин с работы, которые приходили, когда хотели посмотреть футбол. Ноа продолжал есть. Тогда я поняла, что он уже знал, где находится квартира. Он мог бы сам рассказать нам об этих людях.

Когда появились миски, Маргарет отдала Джейми ту, что была без чипсов. Потом она посмотрела на "Ноа" и предложила поменяться им. Он сказал, что не возражает. Она задержала миску с едой на секунду дольше, как будто забыла, перед кем из своих детей пыталась загладить свою вину. Затем она положила его туда, куда и собиралась положить.

После пудинга Маргарет спросила, не хочу ли я кофе. Джейми встал, чтобы приготовить это. Со второй попытки он нашел кафе и взял две кружки, не глядя на названия. В одном из них почерком моей племянницы было написано "НОЙ". У другого была веревка из лодочек и сломанная ручка. Я видела, как Ноа увидел это. Он встал и взял стакан со своим именем, прежде чем Джейми успел что-нибудь в него налить.

— Это мое, — сказал он.

Джейми посмотрел на него. "Я могу это видеть".

Маргарет спросила, достаточно ли осталось кофе. Джейми сказал "да" и поставил кофейник слишком близко к краю стола. Ноа вставил его, не глядя. Джейми наблюдал, как это делает его рука.

— Ты не выйдешь на минутку? — попросил он.

Ноа пошел первым. Нина попросила дочь отнести ее тарелку в раковину. Она использовала голос, который обычно приберегала для ящика, полного острых предметов. Я встала. Из окна я могла видеть спину Ноа. Каждый раз, когда Джейми заговаривал, Ноа слегка наклонял голову. Это придавало ему такой вид, словно он пытался услышать кого-то, кто отошел.

— Я пришел домой не в качестве гостя, — сказал Джейми.

— Ты мог бы начать с того, что постучишь, когда придешь, — сказал Ноа.

Джейми рассмеялся. К тому времени, как звук проник в окно, это был едва ли смех. — Тогда скажи ей, зачем тебе понадобилось два года.

— Которая из них она?

Наступившая после этого тишина заставила Маргарет встать рядом со мной. Ее рукав коснулся моего.

— Лив, ’ позвал Джейми. — Скажи Лив, что ты был влюблен в нее до того, как я ушел.

За столом позади нас ложка боком упала на тарелку. Я кладу руку на оконную задвижку. Я подумала, что если закрою ее достаточно быстро, то смогу вернуться на кухню и спросить, нет ли еще кусочка пудинга. Моя рука осталась там, где была.

— Да, — сказал Ноа.

Я вышел. Они повернули вместе. Я спросила Джейми, знал ли он перед уходом. Он сказал "нет". Когда я спросила Ноа, правда ли это, он посмотрел на меня и снова сказал "да". Второй был более тихим. Ему не обязательно было проникать через окно.

Через окно я видела, как Джейми поставил чайник. Он был достаточно близко, чтобы постучать в стекло, если бы захотел нас видеть. Я сказала Ноа, что с меня хватит для скот-

ленд-ярда. Он кивнул. Затем я спросила, придет ли он в магазин во вторник и расскажет мне все, пока еще может уйти в любое время. Он сказал, что поедет. Я вернулась в дом и взял кружку с лодочками. Джейми еще не успел налить кофе. Я налил себе сам.

Глава 4 — Чашка без молока

Я провела понедельник, пытаясь поднять машину по лестнице в пекарню. Человек, который продал его мне, прислал своего сына и тележку. Его сын дошел до первого поворота и сказал, что машине придется оторваться от базы. Я спросила, может ли он сделать это, не повредив его. Он сказал, что знает, как все работает вместе, но не знает, как мы удержим детали от смещения при повороте. Дженис одолжила нам сумку для болтов. Я положила свое пальто под мотор. Мы сделали это за три поездки. Я так часто представляла, как занимаюсь этим с Ноа, что удивилась, когда после последней поездки мне больше нечего было сделать, кроме как закрутить засовы на место.

Во время обеда по лестнице поднялась женщина с юбкой в пластиковом пакете. Я сказала ей, что еще не открылся. Она сказала, что Дженис посоветовала ей попробовать. Юбка была сшита для выпускного вечера ее дочери. Оно было на четыре дюйма длиннее, чем нужно, и она три месяца ждала возвращения дочери домой, чтобы посмотреть, куда она хочет его поместить. Ее дочь стояла внизу лестницы и разговаривала по телефону. Я сказала, что если она захочет подняться, я могу приколоть ее. У меня было зеркало. У меня не было перил. Мы повесили сумку на гвоздь, который Дженис попросила меня убрать, пока она не зацепилась за чей-нибудь рукав.

На то, чтобы договориться о продолжительности, ушло двадцать минут. Мать хотела, чтобы юбка была ниже колена. Дочь сказала, что купила его, потому что могла в нем танцевать. Я закрепила длину, о которой она просила, и позволила им обоим посмотреть. Потом мать сказала ей, что у нее есть пара туфель, которые она могла бы взять, если бы захотела. Дочь спросила, какие именно. Они обсуждали это на лестнице, пока я писал цену на карточке.

Я показала ей, как будет выглядеть подол спереди, попросив ее отойти от зеркала и посмотреть, как он повернется к ней спиной. На этот раз ее мать увидела, что он движется, еще до того, как поняла, насколько он высок. Она взяла сумку с туфлями. ‘Ты мог бы в них танцевать", — сказала она. Я оставила булавки там, где они были.

Ноа пришел на следующее утро в указанное мной время. Он пришел без кофе и спросил, прежде чем сесть, положив руки на подлокотники кресла, пока смотрел на аппарат и спрашивал, как я его подключил. Я рассказала ему. Он сказал, что хотел бы сам это увидеть. Я сказала ему, что рад, что не стал ждать.

— Помнишь столик, который мы купили вместе с листом, который не держался? — спросил он.

Я так и сделал. У женщины, которая продавала его, на всех четырех стульях были сложены пальто. Мы с Ноа держали концы, пока Джейми ходил переставлять машину. К тому времени, как он вернулся, мы уже сообразили, что если просунуть палец под лист, поднимая рамку, то он не зацепится. Мы осуществили это именно таким образом. Весь остаток дня, каждый раз, когда я смотрела на стол, мне представлялось, что Ноа все еще держит свой конец в руках.

"Тогда-то я и понял", — сказал он.

— Несешь столик?

— Потом ты заварила чай. Ты поменял мою чашку своей, потому что вспомнил, что я не пью молоко.

Я вспомнила, как сделала глоток чая, который налила себе сама, и обнаружила, что он уже остыл. Джейми заходил и спрашивал, где мы храним шурупы. Я сказала ему поискать в жестянке с пуговицами. Ноа выпил весь свой чай. Потом поставил чашку у раковины и пошел домой.

— Ты мог бы остаться, — сказала я.

— Твой жених был снаружи. Я пошел домой.

Слово повисло в воздухе. Я была на полпути к ноге, которую снял с тренажера, когда вспомнил, что уже надел нужную.

— А когда вы пришли в магазин после звонка Джейми? Неужели ты думал, что я выбрал бы тебя, если бы мне никогда не приходилось выбирать?

— Я думал, что смогу встретиться с тобой один раз, не сказав тебе ни слова. Потом я сделал это снова. Его руки лежали на подлокотниках кресла. Он поднял их. — К тому времени, когда я сделал предложение, я точно знал, что делаю.

Я прослушала это. Он не предложил мне в тот день, когда впервые попробовал мой чай, вместо того дня, когда решил, что я не должна знать. Я могла слышать их обоих. Я спросила, не хочет ли он, чтобы я что-нибудь сказал. Он сказал, что хотел бы знать, не могу ли я на минутку спуститься с ним вниз с аппаратом.

"Что?"

— Я хочу попросить тебя прогуляться со мной. Я подумал, что если я скажу что-нибудь такое, над чем ты сначала посмеешься, это будет легче услышать.

Я сказала ему, что он может пригласить меня прогуляться, но это не облегчит задачу. Он попросил. Я сказала "нет". Он встал и поставил стул на прежнее место. Я подождала, пока его ноги не достигли нижней ступеньки лестницы. Потом я подошла к окну и смотрела, как он проходит мимо пекарни, не поднимая глаз. Полчаса спустя я позвонила ему и спросил, не хочет ли он все еще поехать в следующий вторник. Он сказал "да". Я спросила, может ли он позволить мне самой выбирать, где именно. Он сказал, что может.

* * *

В пятницу я получил письмо от человека, который изготовил мемориальную скамейку Джейми. Внутри был конверт с именем Маргарет. Мужчина сказал, что Джейми спросил его, сколько будет стоить установка скамейки запасных. Он хотел знать, не возражаю ли я, потому что я заплатил половину. Я прочитала его дважды, затем вышел посмотреть, не сидит ли на нем кто-нибудь.

Это было на вершине пролива, рядом со станцией спасательных шлюпок. Там была женщина с бумажным стаканчиком и собакой, прислонившейся к ее ногам. Табличка на обороте гласила: Для Джейми, который всегда находил дорогу домой. Маргарет выбрала эту фразу, потому что он обычно возвращался даже после того, как говорил, что кто-то другой может делать все, что ему заблагорассудится. Я вспомнила, как думал, что мы заставили его звучать лучше, чем он был на самом деле. Я не хотела спорить из-за приговора, когда она ждала целый год, чтобы поместить его имя где-нибудь, где он мог бы остаться.

Я нашла Джейми в офисе порта. Он пошел туда, чтобы попросить связку ключей, которые, как он думал, все еще были у Ноа. Позади него на заборе сушился спасательный жилет. Я показала ему письмо. Он сказал, что пригласил мужчину, потому что думал, что Маргарет не понравится проходить мимо скамейки, когда на нее смотрят. Я спросила, приглашал ли он Маргарет.

— Она сказала, что я могу делать все, что мне нравится.

— Это она сказала про скамейку запасных?

Он положил руку на письмо, а затем убрал его. Он сказал, что она говорила о куртке, которую он оставил у нее в шкафу. Человек, который сделал скамейку, знал, как снять тарелку. Он мог сделать это, пока там никого не было. Джейми подумала, что он избавляет ее от необходимости спрашивать. Это было первое, на что ему пришлось решиться с тех пор, как он вернулся домой. Я видела, что он думает, что это было мило с его стороны.

— Она может спросить его сама, — сказала я.

— Возможно, она никогда не спросит.

— Тогда это будет там.

Женщина с собакой ушла. На сиденье лежало кольцо со дна ее чашки. Джейми провел по нему большим пальцем и спросил, приходит ли она каждый день. Я сказала, что знаю собаку, а не женщину. Он поднял руку. На спинке скамейки табличка все еще гласила, что он всегда находил дорогу домой.

— Ты когда-нибудь возвращался сюда раньше? — спросила я.

— Один раз. Сразу после того, как я позвонила Ноа.

Он сидел в машине у станции спасательных шлюпок. Обогреватель был включен. Он мог видеть мою племянницу с мороженым в рукаве, и меня, смеющегося, пока Нина пыталась стереть его салфеткой. Он сказал, что держал руку на двери, когда я смеялась. Он забрал его.

— Как ты думаешь, что это означало?

— Что с тобой все в порядке.

— Со мной все было в порядке ровно столько, сколько потребовалось, чтобы она уронила мороженое.

Он повернулся ко мне. Воротник зацепился за подбородок, и на мгновение мне захотелось протянуть руку и отогнуть его. Я делала это для него сотни раз, прежде чем он ушел. Я держала руки в карманах. Это чувство проходило достаточно медленно, чтобы я смогла сесть рядом с ним, прежде чем оно исчезло.

"Я мог бы смеяться и скучать по тебе в один и тот же день", — сказала я.

Два мальчика спустились по сходням, чтобы взять лодку. Один зашел слишком далеко в воду и крикнул другому, чтобы тот прекратил толкать. Джейми поднял руку, как будто мог сказать им, что делать отсюда. Они уже схватили лодку. Он спустил ее. Мы вместе наблюдали за ними.

Когда я сказала ему, что хочу передать письмо Маргарет, он спросил, не возьму ли я его с собой. Я сказала, что он может сказать ей, что просил для себя, и она может сказать ему, хочет ли она этого. Он взял конверт за уголок. Перед уходом он снова сел и спросил, останусь ли я, пока лодка не скроется из виду. Я осталась. Когда она скрылась из виду, он спросил меня, хочу ли я, чтобы он все еще ушел. Я сказала "да". Он встал, оставил скамейку в том виде, в каком она была, и пошел рассказать об этом своей матери.

* * *

Маргарет пришла в магазин в субботу с юбкой, которую ей не нужно было переделывать. Она сказала, что взяла ее с собой, чтобы у нее был повод подняться, если зал будет полон. Я сказала ей, что она может подняться без него. Она достала его из сумки и положила на стол. Оно было темно-синего цвета с серыми стежками на поясе. Я положила их туда на первую поминальную службу, потому что застежка ослабла как раз перед тем, как мы вышли из дома.

— Я остаюсь на скамейке запасных, — сказала она.

Я положила обе руки на край стола. — Он сказал вам, что просил поднять это дело?

— Он так и сделал.

Она развернула бумажный рисунок скамейки. На спинке был прямоугольник размером не больше моей ладони. Мужчина, который сделал это, спросил ее, какие слова она хотела бы там вставить.

— Я подумала, что начну с даты, когда они прекратили поиски", — сказала она. "Джейми говорит, что не хочет встречаться".

— Ты на этом останавливаешься?

— Пока не знаю. Я сказал ему, что он может посидеть со мной, пока я подумаю.

Он встал, чтобы приготовить чай. Она подумала, что он собирается оставить чашки на кухне, как делал раньше, когда ссора заканчивалась раньше времени, чем он мог это вынести. Вместо этого он принес их, сел и подождал, пока она заточит карандаш. Маргарет не вписала в прямоугольник ни слова. Она наклонила бумагу ко мне, чтобы я могла видеть пробел.

— Ты знаешь, что хочешь сказать Ноа? — спросила я.

Она сложила его один раз. "Я хочу иметь возможность сказать ему, что я зла, и все еще слышать его в доме пять минут спустя".

Я достала кружки. У меня была только одна ложка. Она сказала, что будет свою без сахара. Пока чайник готовился, я рассказала ей о прогулке, на которую мы с Ноа собирались во вторник. Я смогла сказать ему, где со мной встретиться и когда. Все это было потом, мне было трудно сказать. Я искал его на каждой улице. Когда я находил его, мне иногда хотелось, чтобы он ушел.

Маргарет протянула руку за кружкой, прежде чем я закончил наливать. Потом она увидела, что я все еще говорю, и оставила свою руку там, где она была. Я сказала ей, что не знаю, хочу ли я, чтобы он называл меня своей женой, когда она спросила, как у меня дела. Она сказала, что может спросить меня сама.

Маргарет взяла кружку обеими руками. Она сказала, что видела Ноа во вторник, и он не рассказал ей о прогулке, потому что я его еще не спросила. Он сказал ей, что был в магазине, затем извинился за то, что выдавал ее по одной фразе за раз. Она спросила, хорошо ли я выгляжу. Он сказал, что не думает, что он тот человек, которого следует спрашивать.

— Правда? — спросила я.

Она смотрела на меня достаточно долго, чтобы я поняла, что она действительно обдумывала это. ‘ Ты выглядишь так, словно выспался, — сказала она. — Я рад, что ты это сделал.

Прошлой ночью я проспал шесть часов. От машины у меня болело плечо, потому что я сидела слишком высоко и продолжал давить на педаль. Она спросила, не хочу ли я, чтобы она посмотрела, не может ли она найти стул пониже. Я сказала ей, что мне бы это понравилось. Потом я спросила, можно ли мне взглянуть на юбку. Она притянула его к себе, разгладила ладонями и сказала, что хочет, чтобы швы остались на месте. Складывая его для нее, я подумала о том, как буду сидеть на ступеньке крыльца и в спешке зашивать эти стежки не той ниткой. Оно выдержало.

Глава 5 — Снимки с улицы

Во вторник мы отправились вглубь острова. Я выбрал эту дорогу, потому что она шла между полями и выходила к железнодорожному мосту. Оттуда вы могли услышать поезда раньше, чем увидеть их. На первом подъеме Ноа спросил, не хочу ли я идти помедленнее. Я сказала, что он может идти помедленнее, если хочет. Он пошел. Потом я сбавил скорость, чтобы мы могли идти вместе.

Я собиралась спросить его, когда он ходил к Джейми, и сохранила ли у него визитку, которую Маргарет хотела мне показать. Она уже была у меня в кармане. Она подарила его мне накануне. На нем было изображено кафе с голубыми зонтиками. На обороте Ноа написал, что увидится с ней в воскресенье, и спросил, не нужно ли ей что-нибудь привезти. О Джейми не упоминалось. Вряд ли было что еще сказать на открытке, которую кто-нибудь мог повесить на полку над камином. Я прочитала достаточно.

— Что ты делал один, пока был там? — спросила я.

— Я ходил в то кафе. Я дважды ел яичницу на тосте. Там была женщина с коляской, которая не могла забраться внутрь, поэтому я поднял передние колеса и придержал дверь.

Он вспомнил об этом, потому что женщина подумала, что он хочет присесть, и предложила ему сесть. Он просидел рядом с ней двадцать минут и ел тосты, пока ребенок спал. Затем он пошел встречать своего брата. Я спросила, почему он вернулся в то же место на второй день. Он сказал, что подумал, что мог бы увидеть ту женщину и с кем-нибудь поздороваться, прежде чем увидит Джейми. Ее там не было. Он выбрал открытку, потому что заплатил за два яйца и две чашки чая в месте, где его никто не знал. Он хотел послать своей матери что-нибудь, о чем мог бы ей рассказать.

— Ты мог бы рассказать нам обоим.

— Я знаю.

Поезд проехал под мостом, и железные перила загудели под моими пальцами. На дальнем берегу росли желтые цветы, похожие на те, что я приносила домой, пока не увидела пятна, которые они оставляли. Ноа стоял немного в стороне от меня. Когда проехал последний вагон, он позволил шуму стихнуть, прежде чем посмотреть в мою сторону.

— Ты все еще хочешь вернуться домой? — спросила я.

— Да.

— Ты хочешь, чтобы я спросил тебя?

Он сунул руки в карманы. ‘ Я хочу услышать, как ты спросишь, когда я тебе понадоблюсь. Он посмотрел вниз, на трассу. — Я могу подождать, пока это не станет реальностью.

Я положила кольцо в кухонный ящик Нины, под перчатки для духовки. Я сделала это в первую ночь, когда спала там. Раньше я крутила его, когда мне нужно было время, чтобы решить, что сказать, и я думала, что все еще могу дотянуться до него, когда мы заговорили в первый раз. Стоя на мосту, я положила левую руку плашмя на перила.

— Ты не подержишь это минутку? — спросила я.

Он вынул руку из кармана. — Который?

Я показала ему. Он положил свою ладонь на мою. Его рука была теплой посередине и холодной на концах, как у меня. Раньше мне пришлось бы бороться с желанием спросить, о чем он думает. Мы стояли там, пока сзади к нам не подъехал велосипедист, и мне пришлось шагнуть к нему, чтобы освободить место. Он ждал, пока я отодвинулась. Когда велосипедист проехал мимо, было достаточно места, чтобы вернуться туда, где я была. Я осталась.

В дальнем конце я отпустил его. Он спросил, не хочу ли я дойти пешком до станции. Я пошла. Я прошла три шага, когда спросила, чего Джейми хочет от него сейчас.

— Он попросил меня покататься с ним на лодке.

Я снова остановился. Ноа сказал, что он сказал ему "нет". Он сказал, что спросил, не мог бы Джейми прийти к нему домой и помочь закончить дверь вместо этого. Джейми сказал, что не хочет красить дверь. Ноа сказал ему, что в этом нет необходимости. Он хотел посмотреть, сможет ли его брат постоять в доме достаточно долго, чтобы спросить, как у него дела, и не получить ответа.

— Он уезжает? — спросила я.

— Вчетверг.

Мы дошли до станции, где я достала открытку из кармана и сказала Ноа, что Маргарет хочет, чтобы он получил ее. Он спросил, не хочет ли она, чтобы он написал еще одно. Я сказала, что он может позвонить и спросить ее. Он положил его во внутренний карман своего пальто. Потом он спросил, не хочу ли я остановиться, чтобы перекусить яичницей с тостом. Я как раз собирался спросить его о том же самом. Я сказала ему, что он может выбрать, где именно.

* * *

На следующее утро после прогулки кто-то подсунул приглашение на свадьбу под дверь моего магазина. Это был один из наших. Я могла судить об этом по синей нитке, проходящей через складки, которую я завязала на каждой иголке, потому что отверстия были слишком малы для правильного узла. Тот, кто принес его, перерезал нитку, вместо того чтобы размотать ее.

На приглашении была небольшая вмятина там, где я прижимала каждый сгиб тыльной стороной ложки. Ноа приготовил последние шесть блюд, пока я мыла посуду. Я пересчитала готовые и решила, что одной не хватает, потому что не пересчитала ту, что оставила на каминной полке. Я вспомнила, как говорил ему, что начинаю плохо следить за ходом событий.

Внутри, под датой, Ноа написал два слова.

Все равно приходи.

Я отнесла его вниз. Дженис взвешивала муку. Она сказала, что Джейми оставил его на прилавке моим именем вверх. Я позвонила ему прежде, чем успела подумать, о чем хочу спросить.

— Где ты это взял? — спросила я.

— Это мне прислал Ноа.

— Ты сказала мне, что он просил тебя держаться подальше.

— Это было не единственное, что он сказал.

Я прижимаю приглашение к стене. Одна из синих ниток зацепилась за грубую ткань. Я оставила его висеть там, пока Джейми рассказывал мне, как он его нашел. На нем был указан адрес и время поезда. Он зашел так далеко, что купил билет, прежде чем Ноа попросил его подождать.

— Ты им пользовался?

— Да.

Металлическая миска Дженис зазвенела о стойку внутри. Я ждала, когда он скажет мне, в какой день. Он ждал, что я спрошу.

— В субботу утром, — сказал он наконец.

Я дошел до угла. Над крышами виднелась верхушка здания ЗАГСа. В субботу Нина не смогла припарковаться у крыльца, поэтому мы поднялись сюда с обувью в руках. Там был мужчина, отодвигавший велосипед от стены. Он пожелал мне удачи, и я поблагодарила его, не глядя ему в лицо. Я помнила пыль на велосипедных шинах. Мне вдруг захотелось иметь возможность видеть все по обе стороны от него.

— Ты меня видел? — спросила я.

"С конца дороги".

— До или после?

— Ито,идругое.

Я сняла приглашение со стены. Маленький голубой хохолок остался на грубой обшивке. Джейми сказал мне, что позвонил Ноа перед тем, как я вошла. Когда он не смог дозвониться до него, он подождал, пока мы выйдем, и вернулся на вокзал, где забронировал номер вместо того, чтобы сесть в поезд. Он попробовал еще раз в воскресенье. Ноа потребовалось время до вторника, чтобы ответить.

— Он знал, что вы были здесь в субботу?

— Я оставил сообщение.

Я поставила ногу на дорогу и отдернул ее, когда подъехала машина. Я могла видеть всю дорогу до того места, где, должно быть, стоял Джейми. В субботу он даже не выглядел достаточно удаленным, чтобы человек мог спрятаться.

Я подумала о том дне на мосту, когда Ноа увидел, как я взяла его за руку, и спросил, какую я имею в виду. Я хотела вернуться к тому моменту достаточно надолго, чтобы понять, знал бы я, что делать, если бы сначала прочитал приглашение.

Я отнесла его наверх и положила рядом с платьем. Я не взяла платье от Нины домой. Я принесла его сюда, потому что у меня в спальне был только один крючок, и я хотела повесить на него свои вещи. Платье все еще было накрыто простыней. Я приподняла уголок и посмотрела на грязь по подолу. Кто-то стоял достаточно близко, чтобы видеть, как я выхожу из загса. Я пошла домой, думая, что этот день принадлежит людям, которых я могла бы назвать.

Затем я позвонила Ноа и попросила его встретиться со мной до того, как он увидится с Джейми в четверг. Он сказал, что может встретиться со мной прямо сейчас. Я сказала ему, что мне нужно время, чтобы сначала кое-что сделать. Я сфотографировал приглашение. Затем я позвонила женщине, которая фотографировала свадьбу, и спросил, сохранила ли она фотографии улицы.

* * *

На четырех из семи присланных ею фотографий был изображен серебристый автомобиль у обочины, и на одной из них спиной к камере стоял мужчина. Я узнала пальто Джейми по воротнику. Я не могла доказать, что он был в нем, потому что не мог видеть его лица. Я знала, что мне не нужно доказывать это, чтобы поговорить с человеком, который сказал, что он был там.

В тот день Ноа пришел в магазин ближе к вечеру. Я передала ему приглашение, прежде чем он снял пальто. Он долго смотрел на него. Затем он положил его на стол и спросил, может ли он рассказать мне, что произошло в тот день, когда он это написал.

— Вы можете сказать мне, слышали ли вы сообщение в субботу.

— Я слышал начало.

— Где ты был? — спросила я.

— В машине с мамой. Мы только что отвезли ее домой.

Я тоже там был. Я вспомнила, как открылась дверь с моей стороны, когда он помогал ей искать пачку фотографий, которые она хотела подарить моей матери. Она дважды находила не тот пакет. Я ждала, опустив ноги на дорогу, чтобы она могла посмотреть, есть ли у нее место, чтобы пройти мимо меня. Ноа отошел на другую сторону машины, чтобы позвонить. Я думала, он позвонил человеку, доставляющему еду.

— Что ты слышал?

— Он сказал, что был здесь.

— А потом?

— Я выключил его. Я хотел вернуться с тобой в дом.

Он не говорил, что должен был. Я спросила, знает ли он, куда Джейми потом делся. Он сказал, что увидел название отеля на следующее утро, потому что Джейми прислал его ему. Два дня он думал, что если не поедет туда, то сможет провести свадьбу отдельно. Он хотел

провести один день, потом другой. Он знал, что натворил, когда сказал мне, что во вторник пойдет за хлебом, и первым делом отправился в отель.

— Тебя не было почти час, — сказала я.

"Да".

Я сказала ему, что думала, он пошел за нарезкой. Он сказал, что привез хлеб. Слова вырвались раньше, чем он успел подумать о том, что они будут делать. Я видела, как он понял, что приносить хлеб домой — это то, чего я не могла вынести. Я поджарила его. Он стоял рядом, пока я стряхивала крошки с его рубашки.

Из окна я видела, как очередь в булочную сворачивает за угол. Однажды я стояла там с Ноа, когда женщина спросила, куда мы едем в свадебное путешествие. Он посмотрел на меня, прежде чем ответить, и я подумала, что это потому, что ему нравилось позволять мне решать, как много незнакомец узнал о нас.

Я спросила, не хочет ли он рассказать мне еще что-нибудь о тех выходных. Он достал свой телефон и положил его на стол, не разблокируя. Он сказал, что может передать мне все сообщения. Я сказала ему, что не хочу становиться человеком, который не может позавтракать, не проверив, во сколько кто-то ушел из ее кухни.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Я хочу, чтобы ты перестал заставлять меня выяснять кое-что день за днем.

Он поднял трубку телефона. Он сказал мне, что собирается записать все, что он делал с первого звонка до той ночи, когда Джейми вернулся, независимо от того, прочитаю я это или нет. Он отдал бы копию Маргарет, если бы она захотела ее получить. Он спросил, хочу ли я, чтобы он начал с приглашения. Я сказала, что он должен начать с того места, где ему сначала пришлось решить, что может знать кто-то другой.

Он снова взглянул на приглашение. "Это был бы первый день".

Я сказала ему, что я тоже так думаю. Он оставил его там. Я его не порвал. Я положила его в ящик вместе с рулеткой и закрыла ящик, прежде чем спуститься вниз посмотреть, готов ли хлеб.

Глава 6 — Пустой спуск к воде

В четверг, когда Джейми должен был пойти к Ноа, вместо этого он отправился в гавань. Маргарет позвонила мне после наступления темноты. Джейми взял запасной ключ от лодочного сарая, и она не знала, знает ли он, какие лодки были проданы с тех пор, как он уехал. Она сказала, что может спуститься сама. Потом она сказала, что все время надевала и снимала туфли. Я спросила, хочет ли она, чтобы я встретил ее у ворот.

Туфелька Маргарет соскользнула, когда мы спускались с последней ступеньки. Джейми двинулся, чтобы помочь ей, поколебался и спросил, не хочет ли она взять его под руку. К тому времени она уже ухватилась за поручень. Она сказала, что он может идти рядом с ней. Мы втроем подождали, пока она найдет место, куда поставить другую ногу, где доска не была зеленой.

Ноа уже был там, когда мы спустились. Он направил факел на доски. Джейми стоял в конце прохода в своих рабочих ботинках. На одном пальце у него был намотан старый ключ. Лодка, на которой он обычно плавал, исчезла. Между двумя другими, там, где он и ожидал его найти, было пустое место.

— Кто его продал? — спросил он.

— Мама так и сделала, — сказал Ноа.

Маргарет нужно было заплатить за крышу, и она уже ждала два года на случай, если кто-нибудь позвонит и спросит, может ли Джейми снова воспользоваться лодкой. В конце концов, крыша понадобилась ей больше. Джейми уставился на пустое место. Он сказал, что может достать другую лодку. Ноа спросил его, зачем она ему нужна на эту ночь. Джейми сказал, что это не то, что он имел в виду. Он хотел увидеть, каково это — стоять там, не будучи человеком, который вернулся домой.

— Ты мог бы сказать ей, что будешь здесь, — сказал Ноа.

Джейми посмотрел на него. — Ты тоже мог бы, в тот день.

Они сказали всем, что Ноа вернулся первым. Я всегда понимала это как то, что его вытащила другая лодка, пока Джейми был еще в воде. Джейми рассказал мне, что Ноа действительно был на берегу, прежде чем позвать на помощь. Со скал было два пути наверх. Ноа выбрал один. Джейми выбрал другой. Они оба могли стоять. Ни один из них не знал, стоит ли другой за его спиной.

— Почему ты не сказал береговой охране? — спросила я Ноа.

— Я сказал им, что мне показалось, я слышал его на скалах. Я сказал им, что мог ошибаться.

Джейми сказал, что слышал, как Ноа окликнул его по имени откуда-то сверху. Он не ответил. Насколько он помнил, это было первое решение, которое он принял после того, как вышел. После этого были другие. Он потратил годы, начиная рассказ на автобусной станции, потому что это звучало по-другому, если бы он уже зашел так далеко.

Маргарет села на столб. Она спросила, в какую сторону он пошел. Джейми указал. Она попросила его показать ей при дневном свете. Он сказал, что может это сделать. Она протянула руку за ключом. Он снял его с пальца и отдал ей. Затем спросил, не хочет ли она, чтобы он поехал с ней домой.

— Я хочу, чтобы ты зашел на чашку чая, — сказала она. — Спроси меня снова, когда выпьешь.

Они вместе поднялись по склону. Ноа выключил фонарик. Я все еще мог видеть маленький дом через дорогу, куда женщина обычно выходила продавать горячие напитки, когда лодки возвращались пустыми. В тот день, когда поиски закончились, она принесла мне одеяло, и я оставила его на стене гавани, потому что хотел быть кем-то, кто знал, куда идти.

— Ты думал, что оставил его там? — спросила я.

Ноа сказал "да". Он думал, что если вернется, то найдет его. Когда ему сказали оставаться на месте, он подумал, что поступает разумно. Он рассказал им то, что, по его мнению, слышал, и стоял там, ожидая, пока не перестал понимать, какая нога замерзла.

Я подошла ближе. Я хотела взять его за руку. Вместо этого я произнесла его имя, чтобы он знал, что я здесь, прежде чем я прикоснусь к нему. Он обернулся. Мы стояли бок о бок, пока у Маргарет на дороге не зажегся светофор. Потом я спросила, не хочет ли он выпить чашечку чая у моей сестры, и сказала, что он может отказаться. Он сказал "да". Мы свернули на дорогу подальше от воды.

* * *

Нина резала яблоки для школьных обедов. Она отдала нож Ноа и пошла наверх узнать, не нужно ли ее дочери еще чего-нибудь перед сном. Ноа отрезал от яблока четыре четвертинки, прежде чем догадался спросить, хочу ли я одно. Я ответила, что хочу. Он оставил ту, у которой сердцевина проходила через середину.

По дороге домой он спросил, не промокли ли у меня ноги. Я ответила, что промокли. Никто из нас не упомянул ту ночь, когда я пошла к его матери в одних носках. Он положил газету у двери для своих ботинок и спросил, прежде чем положить на нее мои. Я видела, как он искал места, где раньше принимал решения, и называл это помощью.

— Вам не нужно спрашивать меня, можете ли вы передвинуть мои ботинки, — сказала я.

Он поднял глаза. — Иногда я так и делаю.

Я подумала о платье. Я позволила ему прикрыть его и была рада, что он это сделал, когда я нашла его. Ему не нужно было просить накрыть простыней то, что я оставила у двери. Теперь вопрос заключался в том, верю ли я, что он поймет разницу. Когда я сказала ему, что еще не знаю, он сказал, что понял так быстро, что я попросила его подождать с этими словами, прежде чем он их произнесет. Он отложил яблоко и снова принялся за него, разрезая на более мелкие кусочки.

У яблока одна сторона была острее другой. Я положила кусочек на блюдце Ноа. Он взял его, не спрашивая, с какой стороны оно. На секунду мне показалось, что я передаю ему последний кусочек на нашей собственной кухне. Затем труба над нами затряслась, и я услышала, как Нина выключает краны в ванной.

Я спросила, ел ли он. Он сказал, что купил кое-что по дороге в гавань и оставил в своем фургоне. Нина поставила кастрюлю с супом на плиту. Я включил его и сказал ему, что мы можем взять немного. Затем я рассказала ему о залоге за номер. Я сказала, что могу покрыть арендную плату за два месяца, если никто не поднимется по лестнице. После этого мне понадобятся клиенты. Я не хотела брать деньги ни с кого, кто ожидал бы, что я сдам комнату, если вернусь домой.

— Я собирался спросить, нельзя ли мне купить для этого стул, — сказал Ноа.

— Почему?

— Потому что ты слишком высокого мнения о том, что у тебя есть.

Я пожаловался Маргарет на свое плечо. Я спросила, кто ему сказал. Он сказал, что может определить, где находится педаль и какую высоту он измерил для стола. Я подумала о том, как много вещей он знал об этой комнате раньше меня. Я сказала ему, что собираюсь купить стул сама. Тогда я спросила, не может ли он сказать мне, куда он пошел, чтобы найти его.

— В заведении рядом со станцией. Этот человек позволяет тебе их попробовать.

Я поблагодарила его. Он опустил взгляд на свои руки, как будто ему разрешили использовать их для чего-то мелкого. Суп в кастрюле начал шевелиться. Я принесла миски. Он спросил, не хочу ли я, чтобы он остался, пока не спустится Нина. Я сказала ему, что он может остаться, пока я не закончу. На середине он сказал, что начал писать отчет, который обещал написать. В нем было шесть страниц, и он не добрался до октября прошлого года.

— Тебе не обязательно делать это хорошо, — сказала я.

— Я знаю.

Через некоторое время он отложил ложку. ‘Я хотела, чтобы это прозвучало так, будто я забочусь о тебе", — сказал он. "Я продолжаю делать это в первом абзаце".

— За кем ты присматривал?

Он поднял ложку, затем снова положил ее. — Я, — сказал он.

Я доела суп. Когда он встал, чтобы уйти, то обеими руками сдвинул мои ботинки, чтобы мокрые подошвы остались на бумаге. Он пожелал мне спокойной ночи, пока я все еще была на кухне. Я отпустила его. Затем я подошла к двери и проводила его взглядом до конца дороги, потому что мне так хотелось.

* * *

Первым человеком, который спросил, собираюсь ли я оставаться замужем, была покупательница, пришедшая за зипом. Я знала ее в лицо. Она жила недалеко от гавани и обычно оставляла свои брюки на прилавке магазина без названия, потому что все знали, кто она такая. На этот раз она принесла сумку с этикеткой. Я поблагодарил ее за этикетку и достал брюки.

— Это правда, что он вернулся? — спросила она.

— Да.

— И вы не знали?

— Нет.

Она ждала, что я скажу ей, какого мужчину я имею в виду. Я попросила ее показать мне, где расстегивается молния. Она расстегнулась в самом низу. Поверх этого был хороший кусок ткани, и я сказала ей, что могу использовать его снова. Она постояла еще немного, прежде чем спросить, думаю ли я продолжать с другим мужчиной.

— Это будет готово в четверг, ’ сказала я. — Вы хотели, чтобы я позвонил?

Она дала мне свой номер. Когда она спускалась, я слышала, как она говорила Дженис, как здесь хорошо. Я стояла посреди комнаты, глядя на место, которое я занял в мире. Я могла бы сделать это местом, где кто-нибудь мог бы попросить у меня застежку-молнию и получить ее. Я хотела этого больше, чем хотел, чтобы женщина сказала своим друзьям, что, по ее мнению, со мной все в порядке.

Нина пришла после обеда с тремя бутербродами и сказала, что ее дочь хочет посмотреть швейную машинку в работе. Я дала своей племяннице кусок ткани, чтобы она держала его в руках, пока я выполняю первый шов. Она спросила, ту ли это машинку, которую дядя Ноа купил для меня. Я сказала, что он купил ее не для меня. Она спросила, должна ли она по-прежнему называть его дядей Ноа. Нина открыла сэндвич и считала кусочки огурца. Я подождала, пока она закончит.

— Ты можешь называть его так, если хочешь", — сказала я. "Так ты называл его до того, как мы поженились".

Она спросила, может ли она называть Джейми дядей Джейми. Я сказала, что она может спросить его. Она подумала и сказала мне, что пока не хочет. Она хотела выяснить, сможет ли он быть рядом, когда ей не о чем будет спрашивать. Она сказала это гораздо проще. Она хотела, чтобы он пришел и посмотрел, как она бьет по мячу, прежде чем она назовет его как-нибудь иначе, чем Джейми.

Я показала ей, как держать тряпку.

Когда она впервые нажала на педаль, она смотрела на меня, а не на стрелку. Я сказала ей, что буду здесь, когда она снова поднимет глаза. Она попробовала сделать это, посмотрев на собственную руку. Ткань отошла достаточно далеко, чтобы обнажить линию, проведенную кем-то другим, и она остановилась, прежде чем игла достигла ее.

Первая нитка, которую она сделала, пошла вбок. Она злилась, пока не увидела, что можно положить рядом еще одну. Она спросила, можно ли ей отнести ткань домой. Я дала ей бумаж-

ный пакет. Нина положила сэндвичи обратно в корзину и спросила, все ли у меня в порядке. Я сказала ей, что не хочу, чтобы каждый получал ответ о Ноа каждый раз, когда я делаю шов. Она сказала, что скажет любому, кто спросит, что она не знает. Затем она сказала, что если я хочу, чтобы она сказала им, что я занят, она может сделать и это.

Я все еще сидела и думала об этом, когда вошла Маргарет со второй сумкой. На этот раз никакой одежды. Только длинный конверт с моим именем на обложке, написанным рукой Ноа. Она принесла его, потому что он хотел, чтобы я могла увидеть, когда его доставят, без того, чтобы он стоял надо мной. Я спросила Маргарет, читала ли она свое письмо. Она сказала, что прочитала первую страницу. Она дала себе время на вторую половину дня, прежде чем решить, стоит ли читать остальное.

Я положила свою юбку с этикетками на прилавок. Мне нужно было закончить две юбки. Я включила лампу и продела первую юбку под иглу. Конверт лежал так близко, что касался моего локтя. Я переместил его на ширину этикетки.

Глава 7 — Шесть страниц

Я прочитала отчет на следующий вечер за прилавком в пекарне. Дженис разрешила мне воспользоваться комнатой после того, как ушла домой, при условии, что я выключу свет перед тем, как запереть дверь. Снаружи не было никого, кто знал бы, что я там. Окно загса на другой стороне улицы было оставлено открытым, и я могла видеть, как двигается нижняя часть жалюзи.

В углу первой страницы была складка — там, где он загибал ее, чтобы положить на колено или прислонить к рулю. Я попытался сообразить, какой именно. Потом я перевернул его. Складка могла подсказать мне, что кто-то согнул бумагу. То, что я попросил его рассказать мне, начиналось тремя строчками ниже.

Ноа стартовал девятнадцатого октября. Он написал, когда пришло сообщение и где он был. Он покупал подержанный холодильник для своей матери. Он вспомнил, что отправил ей фотографию еще до того, как понял, на чье имя смотрит. Он повернулся и вышел из магазина со своим старым холодильником, все еще стоявшим в кузове фургона. Когда он вернулся домой, она спросила, повезло ли ему. Он ответил, что нет.

Были страницы, на которых он никому не рассказывал, потому что думал, что Джейми собирается это сделать. Были и другие страницы, когда он никому не рассказывал, потому что был рад, что ему не пришлось этого делать. Он написал это ближе к концу. Я видела, что он начал писать одно из слов дважды и провел через него черту. Я перечитал его еще раз. Затем я вернулась к началу и читал до конца.

После того, как Джейми сказал, что будет приходить домой, когда Ноа захочет, Ноа попросил его дать ему неделю. Он написал это за день до того, как принес мне кофе. Я этого не знал. Я не могла бы спросить, пришел ли он на мостик для того, чтобы принять решение уже самостоятельно. В письме он сказал, что собирался сказать мне и понял, пока я включала обогреватель, что предпочел бы увидеть меня снова. К следующим выходным он понял, что если попросит Джейми вернуться домой, я, возможно, никогда не попрошу его остаться.

Я прочитала каждую страницу, включая ту, что о свадьбе. Она была самой короткой. В нем говорилось, что он уже услышал начало сообщения Джейми, когда я вернулась в машину. Затем он отвез меня домой. После этого не было ни строчки о том, что он пытался сделать для меня. Он сказал, что может прийти ко мне домой в любой день, когда я захочу, чтобы он показал мне сообщения, и он мог оставить телефон там, если я захочу прочитать их одна.

Я положила страницы обратно. Я знала больше, чем прошлой ночью, и меньше, чем смог бы узнать, если бы смотрел на даты до утра. Я позвонила Ноа. Он спросил, не хочу ли я, чтобы он зашел. Я сказала ему, что Дженис попросила меня запереть дом, и я это сделаю. Я спросила, говорил ли он то же самое своей матери.

Он сказал, что она попросила его прийти и прочитать ей две страницы о поисках. Он собирался сделать это в воскресенье. Она не хотела, чтобы он читал те, что были обо мне, пока я не скажу, что она их слышит. Я сказала ему, что она может спросить меня позже, если ей захочется что-нибудь узнать. Тогда я спросила его, жалеет ли он, что женился на мне.

— Нет, — сказал он.

Я спросила, жалеет ли он, что не подождал, пока я узнаю. Последовала более долгая пауза.

— Да, ’ сказал он наконец. — Даже если бы это означало, что ты этого не сделаешь.

Я зажал письмо обеими руками. Я хотела услышать, как он скажет это, не имея возможности представить, что это может ему дать. Я сказала ему, что хотел бы, чтобы мы тоже подождали. Убирая письмо, я спросила, не хочет ли он, чтобы я позвонила, когда вернусь домой, и когда он сказал "да", если у меня хватит сил, я предложила ему поговорить вместо этого.

Придя к Нине, я сняла туфли, отнес их подальше от двери и написал домой. Он не стал спрашивать, какой именно.

* * *

Джейми устроился чинить крышу дома на другом конце деревни. Он позвонил Маргарет в восемь и сказал ей, где это находится, потому что она попросила его об этом. Она нашла его, когда ехала в автобусе, и увидела его там со свертком на коленях. Она сказала мне, что ей не нравилось видеть его так далеко от земли, но она осталась в автобусе и смотрела, пока они не завернули за угол. Потом она позвонила, чтобы спросить, может ли принести ему на обед сэндвич с яйцом.

Он пришел ко мне в магазин в субботу. У него порвался шов на рабочем халате. Он хотел знать, могу ли я починить это, не отрывая весь карман целиком. Я попросила его надеть это, чтобы я могла видеть, как сильно натягивается ткань, когда он двигается. Прежде чем подойти ближе, он снял ботинки на коврике. Я знала, что не просила его об этом. Это было то, что он обычно делал, когда проводил вторую половину дня у моей матери.

Когда он поднял руку, я увидела дневной свет сквозь прореху. Он тысячу раз засовывал руку в этот карман. Я обычно вставлял свой в холодное утро, когда мы гуляли по слипу. Я попросила его опустить руку, измерил отверстие, не просовывая в него пальцы, и подобрал нитку нужного цвета.

Он сказал, что рассказал Маргарет о первом сообщении Ноа. Он не читал его ей. Она сказала, что хочет знать, спрашивал ли он когда-нибудь, где она живет. Он сказал, что уже знал.

Он снова снял пальто, пока я тянулась за булавкой. ‘ Сделай это через минуту, ’ сказал он. — Могу я тебе кое-что показать?

В его телефоне была фотография крыльца, рядом с которым стояла миска с солью. Он сказал, что его соседка потушила его, когда думала, что оно замерзнет, потому что он ушел на работу до того, как она встала. Раньше он расчищал ей дорогу по субботам. Потом он узнал, что она думала, что у него нет семьи. Он никогда этого не говорил. Он позволил бы ей сказать людям, что она единственная, кто заметит, если он не вернется домой.

— Она спрашивала тебя о нас?

— На Рождество. Я сказал ей, что моя мама жила у моря.

Я ждала. Он открыл рот, затем негромко рассмеялся без улыбки.

— Она сказала, что я должен отнести ей немного соли.

Я вернула телефон. Я могла представить, как Маргарет принимает миску соли от любого, кто заботился о ее сыне. Я также мог представить, как долго она будет стоять на кухне после того, как они уйдут, держа в руках то, что ей дали вместо звонка.

Пока он рассказывал, я вдевала нитку в иголку. Это была легкая работа, и он поднялся на три лестничных пролета с целым пальто, потому что хотел сказать еще кое-что.

— Ты пришел попросить меня пойти с тобой куда-нибудь? — спросила я.

— Да.

— Где? — спросиля

— Место, где я жил.

Он хотел, чтобы я увидела, что он не провел семь лет, не заботясь о том, где кто находится. Были люди, с которыми он разговаривал на работе, и женщина внизу, у которой хранился его запасной ключ. Они могли бы сказать мне, что он был человеком, который каждый вечер здоровался и заходил, если еще горел свет. Я сказала ему, что верю, что люди могут знать это о нем. Мне не нужно было встречаться с ними, чтобы это оказалось правдой.

— Я хотел, чтобы ты пришла, — сказал он.

— Ты можешь спросить кого-нибудь, кто хочет пойти.

Он снял пальто и положил его на стол. Я вывернул карман наизнанку и нашел шуруп и десятипенсовую монету. Я положила оба так, чтобы он мог их видеть. Он сказал, что раньше

думал, что если он вернется и я приготовлю ему чашку чая, все будет так же, как в тот день, когда он ушел. Теперь он мог видеть, что даже если бы я приготовила это для него в тот день, это ничего бы не значило.

Я приготовила ему чашку, которую он выпил у окна, пока я зашивала шов. Через некоторое время он спросил, сохранилось ли у меня его кольцо, и когда я ответила "да", может ли он посмотреть его. Я не взяла его с собой на работу. Я подождала, попросит ли он его. Он спросил, почему я перестала его носить.

— Потому что были дни, когда я хотел забыть, что на мне это надето", — сказала я. "А потом я встретил кое-кого, кого хотел запомнить".

Он смотрел, как я делаю последний стежок. Я передала ему пальто. Он первым потянулся к шурупу. Затем он спросил, отдам ли я Маргарет кольцо, если когда-нибудь решу расстаться с ним. Я сказала, что решу, что с ним делать, когда зайду так далеко. Он положил шуруп обратно в карман, который я только что застегнула. Я сказала ему, что это снова порвет ткань. Он достал его и унес в руке.

* * *

Моя первая вывеска появилась в пятницу. Я стояла внизу, пока маляр закреплял ее над лестницей. Если бы автобуса не было, ее можно было бы прочитать через дорогу. На нем было написано "ОЛИВИЯ РИД", с изменениями внизу. Я попросила его использовать мое полное имя, потому что женщина, которая учила меня шить, обычно произносила его полностью, прежде чем попросить меня распустить шов. Я хотела посмотреть, что она скажет, когда увидит это.

Художник спросил, хочу ли я сохранить бумажный рисунок после того, как он закончил. Я сохранил. Буквы были проколоты иглой по всей окружности. Издалека нельзя было сказать, что кому-то понадобилось проделывать отверстия для каждой части моего имени. Я свернул его правильным образом и задвинул за разделочный стол.

Ноа прошел мимо, когда я все еще смотрела вверх. Он остановился и подождал, пока я его увижу. По его словам, у него было кресло в задней части фургона. Оно принадлежало его матери. Она попросила его принести его, потому что сама пробовала и думала, что мои ноги достанут до пола. Он спросил, не хочу ли я, чтобы он оставил его внизу.

Я сказала ему, что купил стул. Затем я сказала ему, что могу использовать другой для ожидающих. Мы прошли половину лестницы, прежде чем спинка зацепилась за стену. Он спросил, в какую сторону я хочу это повернуть, и как только я показала ему, мы закончили с нетронутой краской с обеих сторон. Когда мы поставили его на место, он посмотрел на машину и спросил, узнал ли я, для чего предназначены какие-либо другие ножки. Я произнес почти все из них. Я показала ему имя на маленькой карточке, которую распечатал, чтобы дарить людям, когда они уходили.

Он перевернул его. — Ты хочешь, чтобы я повесил его на работе?

— Да, ’ сказала я. Потом я спросил, не повесил ли он это где-нибудь, чтобы люди могли это увидеть, прежде чем они спросят его, откуда он меня знает.

С верхней ступеньки я могла видеть, как мужчины пересекают двор, направляясь на ланч. Один из них поднял голову, узнал Ноа и спросил: ‘Как поживает его жена?’ Ноа нужно было только указать. Я стояла достаточно близко, чтобы он мог это сделать.

— Можешь спросить Лив, — сказал он. — Это ее имя на табличке.

Мужчина остановился и прочитал его. Потом он подошел, чтобы спросить, сколько я беру за то, чтобы застегнуть молнию на пальто. Я велел ему развернуть его, чтобы я могла увидеть подкладку. Он сказал, что пришлет свою жену. После того как он ушел, я спросила Ноа, стоило ли ему чего-нибудь ответить таким образом.

— Я хотел, чтобы он знал, что я твой муж.

— Он уже знал.

— Да, ' сказал Ноа. — Я хотел, чтобы ты это услышала.

Я сунула карточку обратно ему в карман. Я могла бы сделать это, не притворяясь, что не слышала ни слова из того, что он сказал. Его краешек торчал наружу. Он позволил мне оставить все как есть.

Он улыбнулся и положил его в карман. Это был первый раз, когда он так улыбнулся мне после свадьбы. Я смотрела прямо на него. Это ощущение встревожило меня настолько, что я подошел к окну и стоял там, пока под ним не остановился автобус. Он остался стоять у стула. Когда автобус тронулся, я увидела свет на дороге. Я спросила, собирается ли он возвращаться в дом.

— Да.

— Джейми в конце концов кончил?

— Он приходил вчера. Он подсунул под дверь кусок картона, чтобы он не оставлял следов на полу. Я не знаю, вернется ли он.

Я сказала, что пусть он решает сам. Ноа сказал, что он пытался. Потом он спросил, не хочу ли я еще раз прогуляться. Я спросила его, имеет ли он в виду тот день. Он сказал, что имел в виду, когда я захочу. Я сказала ему, что хочу, чтобы он назвал время. Он подумал об этом и сказал, что в воскресенье, после того как его мать закончит с ним, если она все еще хочет, чтобы он пришел.

— Где? — спросиля

— На пляж. Если бы ты захотел.

Я сказала, что знаю. Он начал спускаться по лестнице. Я спросила, может ли он отступить на шаг. Он так и сделал. Я поцеловала его очень коротко, достаточно высоко в щеку, чтобы почувствовать, где он не побрился. Он обхватил рукой поручень. Остаток пути он так и не проделал.

Я сказала ему, что хотел бы как-нибудь повторить это. Он тоже сказал, что хочет. Затем он спустился вниз с карточкой в кармане. Я вернулась к креслу и села на него, пока звонила женщине, которая научила меня шить. Я сказала ей, что вывеска уже висит. Она спросила, могу ли я прочитать ее из магазина, не открывая витрину. Я сказала "нет". Она сказала, что тогда это правильный путь. Название было для приходящих людей.

Глава 8 — Пропущенная страница

В воскресенье дождь хлынул как из ведра. Ноа предложил перенести прогулку на понедельник. Я сказала ему, что у меня есть пальто. Мы нашли спуск с дороги, где пляж расширялся, а камни были достаточно мелкими, чтобы стоять, не глядя под ноги. Он захватил с собой запасную шляпу. Он сказал мне, что она у него в кармане, если мне понадобится. Я достала ее через десять минут и надел.

Я спросила, как поживает его мать. Он сказал, что она хочет, чтобы он зашел в следующее воскресенье и дочитал. Они прочитали обе страницы. Затем она спросила, когда он купил цветы. Он сказал ей, когда Джейми был еще в городе, в котором он жил. Она сказала, что хотела знать, выбрал ли он их потому, что знал любимый цвет Джейми, или потому, что забыл, какой это. Он сказал ей, что знает. Она сказала, что именно поэтому хотела, чтобы он задержался и рассказал ей. Она хотела задать вопросы, на которые у него были ответы, прежде чем задавать другие.

Я чуть не спросила, какие будут следующие, но когда я спросила, как у него дела, он засунул обе руки в карманы пальто и сказал, что рад, что она попросила его вернуться. Он не понимал, как сильно хотел, чтобы у нее было время все ему сказать, пока она не встанет и не выйдет из комнаты. Он остался. Она вернулась с куском торта и съела его, не дав ему ни кусочка. Закончив, она спросила, не хочет ли он чего-нибудь. Он сказал "да". Она пошла за ним сама.

Мы спустились к той части пляжа, где заканчивалась стена. Нам пришлось перешагнуть устье ручья. Ноа подошел первым и протянул руку. Я взяла его, потому что гравий выглядел рыхлым там, где он уходил в воду. Я держала его с другой стороны. Он не спросил, что это значит. На полпути к следующей стене я отпустила его на время, достаточное, чтобы перевернуть его руку и посмотреть на нее. На кончике одного пальца была маленькая отметина. Я увидела ее в тот день, когда он чинил стул. Я никогда не спрашивал, откуда это взялось.

— Осколок, ’ сказал он. — Ножка стола.

Я сказала ему, что не могу сказать, останемся ли мы женаты. Он ждал. Я сказала, что хочу иметь возможность сказать ему, что люблю его, не давая при этом другого ответа. Он держал меня за руку, пока я не почувствовала, что могу закончить предложение.

— Я действительно люблю тебя, — сказала я.

Он кивнул. — Я тоже тебя люблю.

После этого ничего не оставалось делать, кроме как продолжать идти. Мы прошли так далеко, как только могли, не наполнив ботинки водой.

У ручья я могла видеть, куда он ставил ногу, потому что сквозь камни просачивалось немного воды. Я поставила ногу дальше. Он почувствовал, что я пошла в другую сторону, и ослабил хватку достаточно, чтобы дать мне пространство. Когда я добралась до сухой стороны, он все еще держал меня за руку двумя пальцами там, где раньше была вся его рука.

На обратном пути я спросила его, не хочет ли он зайти в магазин вечером и снять крышку с лампы. Я решила, что хочу ее. Я взглянул на чек, и это была хорошая лампа. Он спросил, нужно ли мне, чтобы он его подогнал. Я сказала, что большую часть этого могу сделать сам. Я хотела, чтобы он подержал его, пока я буду решать, в каком направлении мне направить свет.

Дождь заливал горловину моего пальто. Я попыталась застегнуть верхнюю пуговицу и неловко ее застегнула. Ноа поднял руку и остановился, не дотянувшись до нее. Я сказала ему, что он может. Он подошел достаточно близко, чтобы ветер не дул мне в лицо. Пуговица была маленькой, и он не мог разглядеть дырочку, пока я не задрала подбородок.

— Раньше ты делал это вне магазина, — сказала я.

— Я знаю.

— Мне это понравилось.

Он расстегнул пуговицу и отпустил пальто. Я не отодвинулась. На мгновение мне так сильно захотелось, чтобы он меня поцеловал, что я почувствовала это по тому, как я стояла. Я думаю, он знал. Он посмотрел на мой рот, затем в глаза и ждал.

— Я имел в виду то, что сказал о незнании, — сказала я ему.

— Тебе все равно может это нравиться.

Я снова взяла его за руку. Лодка огибала мыс с включенным белым светом, хотя еще только наступил полдень. Я долго смотрел на это, прежде чем смог определить, в какую сторону оно движется.

По дороге мы зашли в пекарню. У Дженис осталась одна булочка с лимонной глазурью. Я купила ее, отнесла наверх и разрезала на две части. На одном было значительно больше глазури. Я поставила оба между нами. Ноа потянулся за тем, что поменьше. Я отодвинула тарелку, чтобы дать ему другое. — Ты даешь мне глазурь?

— Немного. ’ Я отрезала ножом кусочек от его половины. У него был вкус свадебного торта. С тех пор я не покупала ничего с лимонной начинкой.

Я поставила лампу на разделочный стол и попросил его встать с другой стороны.

* * *

В понедельник в магазине меня ждало письмо. Оно было для меня, от женщины по имени Энни. Она сказала, что Джейми дал ей адрес, когда она позвонила, чтобы спросить, почему к ней приходил мужчина из его семьи. Он сказал ей, что я знала о той ночи, когда он пришел к ней домой. Она хотела, чтобы я послушал отрывки, которые она видела сама. Она оставила внизу свой номер на случай, если я захочу еще чего-нибудь.

Она вспомнила одеяло, которое он принес с собой, зеленое и пахнущее чужой собакой, и дала ему рубашку и деньги на проезд на автобус. Она не сказала ему, куда отправляется автобус, потому что сама купила билет. Перед уходом он спросил, не довезет ли она его на своей машине до остановки. По дороге туда его телефон разрядился. Она дала ему свой, и он позвонил по городскому телефону, которым, как он думал, все еще пользовалась его мать. Никто не взял трубку. Она сказала ему, что он может попробовать еще раз, и он вернул ей телефон.

Внизу, где она написала свой номер телефона, почерк был очень мелким. Она начала слева, и ей не хватило места. Я представил, как она пытается решить, стоит ли ей начинать все сначала, чтобы я могла прочитать это. Я прочитала это легко. Мне пришлось дважды доставать свой телефон, прежде чем я смогла заставить себя им воспользоваться.

Я прочитала это дважды. Это было то, о чем он не сказал мне в библиотеке. Я могла понять, почему он мог это опустить. Это не дало ему концовки, которую он хотел. Все еще оставался звонок, который он мог бы сделать позже, и автобус, на который он мог бы сесть. Я хотела знать, почему после звонка он продолжал выбирать места, где его никто не будет ждать.

Мужчину из его семьи звали Ноа. Он навестил ее год назад. Он спросил, отдаст ли она ему билет. Она сказала ему, что отправила его Джейми. Он сказал, что хочет выяснить, есть ли что-нибудь, что он должен сказать женщине, с которой встречается. Он не назвал моего имени. Энни подумала, что это, вероятно, я. Она попросила его рассказать ей все. Потом она сказала ему, что, если он подождет еще немного, она сама найдет меня.

Я положила письмо на стол и позвонил ей. Она узнала мое имя и спросила, может ли она сказать одну вещь, прежде чем я задам свои вопросы. Я сказала "да".

— Он снова пришел повидаться со мной после свадьбы", — сказала она. ‘Ноа. В то утро, когда он должен был прийти домой и сказать вам, где его брат. Я сказал ему, что не буду помогать ему продолжать это делать.

Я спросила, какое утро она имеет в виду. Она назвала мне дату. Был вторник. Ноа оставил меня дома и поехал в отель, а потом уехал достаточно далеко вглубь страны, чтобы спросить

Энни, что, по ее мнению, он должен мне сказать. Он вернулся через час, потому что Энни оказалась ближе, чем я думала. Она жила не там, где жил Джейми. Она переехала в городок в десяти милях отсюда.

— Что ты сказал? — спросила я. — спросила я.

— Я сказал, что если он может назвать только одну причину, по которой человек может сказать правду, я надеюсь, что он придумает еще одну, прежде чем вернется домой.

Она сказала мне, что чуть не поехала дальше, когда увидела его фургон. Дорога там была узкой, и он припарковался одним колесом в траве. Она вспомнила, как подумала, что он мог бы выбрать для ожидания любое теплое место. Вместо этого он стоял на улице в рубашке и без пиджака, потому что не думал, что это займет много времени.

"Он спросил, что бы ты подумала о нем, если бы он привел Джейми в дом", — сказала она.

— Что ты сказал?

— Я спросил, что бы ты подумал обо мне, если бы я продолжал ему отвечать.

Я опустил глаза на ее письмо. Лампа отбрасывала небольшой изгиб в тень там, где газета поднялась со стола.

— Почему ты мне тогда ничего не сказал?

— Я узнал твое имя. У меня не было твоего номера. Я мог бы найти его. ’ Последовала пауза. "Я позволил себе думать, что разница имеет значение".

Я ожидала, что она объяснит, чем она мне обязана. Вместо этого она подождала, пока я найду ручку. Я записала дату, которую она мне назвала, затем дорогу, на которой она с ним познакомилась. Я хотела иметь возможность спросить его о месте вместо того, чтобы снова спрашивать, почему я так себя чувствую.

Я поблагодарил ее. Она спросила, хочу ли я, чтобы она прислала фотографию билета, если Джейми когда-нибудь вернет его. Я сказала ей "нет". Я услышала от нее то, что хотел услышать. Она сказала мне, что я все еще могу позвонить ей, если мне понадобится. Я сказала, что понимаю. Потом я позвонила Ноа.

Я сказала ему, что Энни написала. На его конце провода было тихо. Я спросила, почему этот визит не был указан в отчете, который он мне дал. Он сказал, что не сразу поехал к ней домой. Он позвонил из машины, и она вышла ему навстречу. Он услышал, как произнес это. Потом он сказал мне, что сожалеет. Он умолчал об этом, потому что не хотел, чтобы я знала, что кто-то предупредил его задолго до того, как мне пришлось спросить.

Я посмотрела на лампу. Луч света прошел прямо через стол и остановился там, где только что стояли две тарелки. Он спросил, не хочу ли я, чтобы он зашел ко мне. Я сказала ему "да". Когда он это сделал, я хотела, чтобы он принес страницы. Мы собирались возобновить этот визит вместе.

Я слышала, как он взял ключи. Я спросила, не может ли он сделать одну вещь, прежде чем сядет в машину.

— Запиши это сейчас, ’ сказала я. — Пока я еще разговариваю по телефону.

* * *

Некоторое время я слышала только, как Ноа ищет ручку. С его стороны открылся ящик и закрылся другой. Я держала телефон на столе, пока закрывала крышку швейной машинки. Когда он вернулся, то сказал, что нашел карандаш.

— Хватит, — сказала я.

Сначала он написал дату, затем спросил, хочу ли я услышать предложение в том виде, в каком он его написал. Я сказала ему, что выслушаю это, когда он закончит. Я пыталась не помогать ему говорить это. Под лампой на столе лежали две нитки, одна белая, другая цвета синяка. Я подобрал их и выбросил в мусорное ведро. Когда я снова села, он был готов.

Я пошла к Энни, потому что надеялся, что она скажет мне, что я могу подождать, пока не вернусь домой к тебе, а потом подождать еще немного.

— Так вот что произошло?

— Да.

— Тогда принеси это.

Он принес весь пакет. Я впустила его наверх, и он поставил его на стул, который прислала Маргарет. Карандашная линия была сделана на чистом листе. Он не пытался подогнать это под другие слова. Я спросила, куда он хочет, чтобы это пошло.

— После отеля.

— И что, по-твоему, ты получишь, поставив это туда сегодня вечером?

Он посмотрел на лампу. Мы собрали его накануне вечером. Он крепко держал ее, пока я закручивала винт, и когда загорелся свет, он посмотрел на меня так, как будто нам удалось сделать что-то стоящее того, чтобы запомнить. Я подождала, пока он не отведет от нее взгляд.

— Я надеялся, что ты все же позволишь мне подняться сюда, — сказал он.

— Я так и сделал. Я спрашиваю, что ты думал получить, когда пропустил это.

Он сел. Он сказал, что, по его мнению, если я смогу прочитать весь отчет и закончить его с верой в то, что он научился говорить правду, я, возможно, снова начну доверять ему. Прежде чем подойти к Энни, он уже знал, что она скажет. Он не назвал ее имени, потому что она могла это доказать. Он сказал это, не прикасаясь к пачке. Я понимал его гораздо лучше, чем мне хотелось.

Он снова прочитал это вслух за разделочным столом. Карандаш посерел в том месте, где он держал бумагу, чтобы достать ее из кармана пальто. Я дала ему скрепку из жестянки, которую использовал для заказов. Он положил новую простыню на то место, где, по его словам, она должна была быть. Я оставила зажим достаточно свободным, чтобы можно было вынуть его самому.

Я перевернула страницу так, чтобы она была обращена к нему, и положила приглашение рядом с ней. — Прочти первое, что ты написал, когда думал, что я никогда этого не увижу.

Он написал, что *я боялся, что она уйдет*. Под ним он снова начал со слов: *Я беспокоился о Лив*. В первом предложении было две строчки, достаточно трудные, чтобы занять всю страницу. Он все еще мог прочесть это. Прежде чем сделать это, он взглянул на меня.

— Я бы ушел, — сказала я. — Если бы ты сказал мне в четверг, я бы ушел той же ночью.

Он прижал края страницы обеими руками.

— Я мог бы вернуться, — сказала я. — Ты не знаешь наверняка, что я бы этого не сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.